А. Ярошъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ДУШИ

и

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЗНАНІЯ.

13
976

Опытъ параллелистическаго міросозерцанія.

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
Отдѣлъ № 976
Клуба им. Я. М. Свердлова
при В. Ц. И.

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
им. Я. М. Свердлова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

„Пров 58"

Пров. 1959.

Пр.

В4290

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

2031
27

Николаю Ивановичу Ярошъ.

Тебѣ, мой дорогой незамѣнимый другъ, мой учитель, возвышенный мечтатель и философъ, чья чистая душа и холодный умъ всегда стремились къ познанію истины и справедливости, — твоей памяти, мой незабвенный отецъ, посвящаю я этотъ трудъ, въ которомъ невидимыми, но неразрывными нитями сплелись духъ съ матеріей, смерть съ безсмертіемъ и этимъ чудеснымъ соединеніемъ утѣшаютъ насъ, смертныхъ, при разставаніи съ жизнью.

Духъ и матерія одинаково неуничтожимы, но какъ то, такъ и другое подвергается вѣчному, непрестанному измѣненію, являясь все въ новыхъ и новыхъ формахъ.

Прекраснѣйшая форма, въ которой ты явился на землѣ, разрушилась, но ея составные элементы не исчезли. Они вѣчны и съ теченіемъ времени они войдутъ въ многообразныхъ и чудесныхъ сочетаніяхъ въ формы столь же строгія, столь же прекрасныя...

Александръ Ярошъ.

Omnia quamvis diversis gradibus animata

Spinosa

H 8520.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1906 г.

Типо-Литогр. „Энергія", Спб., Загородный 17.

Содержаніе.

Предисловіе.

Введеніе.

Предметъ и значеніе философіи. — Отличительные признаки философскаго метода.—Философія съ точки зрѣнія древнихъ. — Философія по опредѣленію Аристотеля и Канта. — Мнѣнія другихъ философовъ. — Отождествленіе философіи съ науками.—Философія, какъ совокупность научнаго познанія. — Проблемы философіи. — Господствующія философскія системы.

Глава первая.

Вещественный и духовный міръ. — Отличительные признаки объектовъ физической природы. — Кажущаяся объективность свойствъ матеріи. — Выводы матеріализма. — Критика матеріализма. — Цвѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ и другіе признаки существуютъ только въ нашемъ сознаніи. — Во внѣшней природѣ имъ соотвѣтствуетъ лишь чистое движеніе.

Глава вторая.

Первичные признаки матеріи: протяженность и вовременность.—Генезисъ представленій пространства и времени. — Пространство и время по Канту. — По Гюйо. — Субъективность этихъ представленій, какъ образовавшихся при посредствѣ субъективныхъ ощущеній.—Міръ внѣ пространства и времени.

Глава третья.

Торжество идеализма. — Несостоятельность матеріализма и, какъ реакція философскаго міросозерцанія, увлеченіе спиритуализмомъ. — Критика спиритуализма. — Отрицаніе дѣйствительности. — Психофизическій параллелизмъ и возраженія матеріалистовъ. — Причина и слѣдствіе въ мірѣ матеріи. — Невозможность причинной зависимости между психическими и физическими процессами. — Духовные процессы съ точки зрѣнія матеріализма. — Духовные процессы съ точки зрѣнія психофизическаго параллелизма. — Универсальный монизмъ Спинозы и всеобщее одушевленіе.

Глава четвертая.

Психическіе процессы въ животномъ мірѣ недоступны нашему непосредственному опыту. — Признавая ихъ существованіе, мы довѣряемся аналогіи. — Границы одушевленія. — Отсутствіе границъ между животнымъ, растительнымъ и минеральнымъ царствами. — Необходимость присутствія въ растительномъ царствѣ духовныхъ процессовъ. — Отсутствіе уловимой разницы между органической и неорганической матеріей. — Необходимость одухотворенности неорганической матеріи. — Атомическая душа. — Генезисъ духовной дѣятельности. — Возраженія дуализма. — Индивидуальность души съ точки зрѣнія универсальнаго параллелизма.

Глава пятая.

Удовлетворительность психофизическаго монизма. — Духовные процессы въ неорганическомъ мірѣ. — Силы, проявляющіяся въ природѣ, представляютъ, повидимому, элементарные духовные процессы. — Всемірное тяготѣніе, какъ всеобщій элементарный духовный процессъ. — Связь идеализма съ психофизическимъ параллелизмомъ. — Психофизическое толкованіе ощущеній и воспріятій.

Предисловіе.

За послѣднее время интересъ къ вопросамъ философіи возросъ въ очень значительной степени. Тѣ сочиненія, которыя раньше пользовались вниманіемъ лишь людей науки, нынѣ расходятся въ большомъ количествѣ экземпляровъ среди широкой публики; тѣ вопросы, которыми въ прежнее время интересовались лишь мыслители по преимуществу, становятся достояніемъ всѣхъ людей, интересующихся окружающимъ міромъ, который всѣмъ своимъ обширнымъ содержаніемъ являетъ такую массу самыхъ сложныхъ и поразительныхъ загадокъ. И, разумѣется, среди этихъ загадокъ, наиболѣе интересной, наиболѣе центральной является человѣкъ и его внутренняя психическая дѣятельность.

Къ сожалѣнію, однако, почти во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этому и другимъ вопросамъ философіи, интересы средняго читателя, для котораго потребность въ философскомъ міросозерцаніи растетъ съ каждымъ днемъ, оставлялись авторами по большей части въ тѣни, и усвоить ихъ содержаніе мог-

ли только люди съ достаточно солидной подготовкой и съ большой долей терпѣнія и усидчивости. Громадное количество малопонятныхъ и сухо изложенныхъ философскихъ теорій, уснащенныхъ въ изобиліи спеціальными терминами, пугали тѣхъ читателей, которые, стремясь къ философскому образованію, отважно рѣшались побороть всѣ трудности и терялись въ этой массѣ матеріала, блуждая тамъ, какъ въ лабиринтѣ.

Впрочемъ, это уже общая судьба всѣхъ произведеній изъ области философіи. Почему-то издавна установилось мнѣніе, что философія должна излагаться научно, причемъ эта quasi—научность наивно смѣшивалась съ труднымъ и запутаннымъ способомъ изложенія. До недавняго времени самыя простыя философскія проблемы было принято излагать такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ихъ наименѣе понятными для непосвященныхъ.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ схоластическій пріемъ жрецовъ философіи долженъ быть совершенно оставленъ. Въ философіи, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой дисциплинѣ, необходима безупречная ясность, опредѣленность и, главное, удобопонятность изложенія.

Предлагаемое сочиненіе, посвященное двумъ главнѣйшимъ проблемамъ философіи: о взаимоотношеніи духовнаго и физическаго міра и о

природѣ человѣческаго познанія, представляетъ изъ себя попытку дать ясное и удовлетворительное изложеніе теоріи психофизическаго монизма, не уклоняясь при этомъ, однако, нисколько, въ сторону популяризаціи.

Принимая во вниманіе общую философскую неподготовленность средняго читателя, я нашелъ полезнымъ во введеніи дать возможно краткую характеристику философскаго метода вообще, а также наиболѣе важныхъ философскихъ школъ и системъ.

Въ моемъ трудѣ нѣтъ ничего новаго за исключеніемъ нѣсколькихъ мыслей о природѣ времени и пространства, и объ элементарной душѣ, которыя, насколько мнѣ извѣстно, еще не были высказаны въ философіи.

11 августа 1905 года
С.-Петербургъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предметъ и значеніе философіи.—Отличительные признаки философскаго метода.—Философія съ точки зрѣнія древнихъ.—Философія по опредѣленію Аристотеля и Канта.—Мнѣнія другихъ философовъ.—Отождествленіе философіи съ науками.—Философія, какъ совокупность научнаго познанія.—Проблемы философіи.—Господствующія философскія системы.

Въ настоящее время слова: философія, философскій, получили очень широкое распространеніе. Справедливо шутливое замѣчаніе одного ученаго, который говорилъ, что если бы люди употребляли только тѣ выраженія, смыслъ которыхъ для нихъ совершенно ясенъ, то можно было бы подумать, что философія одна изъ наиболѣе извѣстныхъ и любимыхъ областей... Слова этого корня можно встрѣтить не только въ любой газетной статьѣ, но даже въ разговорахъ гимназистовъ и школьниковъ. Тѣмъ не менѣе, какъ журналисты, такъ и школьники очень затруднились бы, если бы имъ предложили дать точное опредѣленіе этихъ словъ. Они отвѣтили бы, пожалуй, что они понимаютъ смыслъ ихъ, но точному опредѣленію ихъ значеніе не под-

дается. Да оно и понятно. Борьба изъ-за опредѣленія смысла того, что такое философія, продолжается нѣсколько тысячелѣтій и начало ея восходитъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда возникла сама философія. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ родилась философія, начались и несогласія по поводу опредѣленія, что же такое она изъ себя представляетъ. Есть ли это наука и, если наука, то каково ея отличіе отъ другихъ наукъ?

Въ наше время споръ о сущности философіи продолжается почти что съ прежней силой. Различные философы не могутъ придти къ соглашенію о подлинной сущности предмета своего изслѣдованія и выносятъ по этому вопросу совершенно различныя рѣшенія. „Du choc des opinions jaillit la vérité“, — говоритъ старинная французская пословица. Попытаемся же изъ разсмотрѣнія различныхъ противорѣчивыхъ мнѣній опредѣлить, что такое философія.

Если придавать этому понятію самое широкое значеніе, то всякое теоретическое мышленіе, неимѣющее цѣлью никакихъ практическихъ результатовъ, мышленіе *ради познанія* будетъ философіей. Въ этомъ смыслѣ стремленіемъ къ философіи обладаютъ всѣ люди, и въ этомъ ихъ коренное отличіе отъ животныхъ. Животное видитъ и слышитъ, имѣетъ, пожалуй, представленія и воспоминанія, но

оно не останавливается на нихъ. Они приходятъ и уходятъ разъединенно, по одиночкѣ, и неспособны образовать никакого, болѣе сложнаго умозаключенія. Въ человѣкѣ мы замѣчаемъ другое. Онъ уже не можетъ довольствоваться простымъ удовлетвореніемъ потребностей. Какъ скоро усовершенствованіе способовъ борьбы съ природой оставляетъ ему досугъ для размышленій, въ немъ пробуждается теоретическій интересъ. Таинственныя и великія силы природы вызываютъ въ немъ удивленіе, которое, по справедливому замѣчанію Аристотеля, и породило философію, заставивъ умъ допытываться о причинахъ этихъ многообразныхъ дѣйствій, являемыхъ внѣшнимъ міромъ. Уже странствующіе номады, лежа въ палаткахъ около своихъ стадъ и любуясь блестящими звѣздами, задавались вопросами о назначеніи природы. Они связывали отдѣльныя представленія въ сложныя понятія и стремились образовать изъ нихъ единое совокупное созерцаніе вещей. Въ нихъ уже пробуждался *теоретическій* интересъ.

Итакъ, философіей этого рода обладаетъ всякій народъ и всякій человѣкъ У каждаго изъ насъ составился свой собственный, чисто теоретическій взглядъ на міръ, и въ этомъ широкомъ смыслѣ слова мы являемся философами. И у простого необразованнаго крестьянина

янина есть своя философія, и даже дикарь составилъ себѣ извѣстное представленіе о міровомъ цѣломъ и его назначеніи. Ихъ философія, быть можетъ, ребячески наивная и не выдерживаетъ разумной критики, но, тѣмъ не менѣе, это—все-таки философія, такъ какъ ей чужды практическіе интересы. Въ этомъ смыслѣ философія, слѣдовательно, общечеловѣческое отправленіе. Гдѣ только существуетъ духовная жизнь, тамъ есть и философія.

Однако, въ научномъ языкѣ, который мы, именно, и должны имѣть въ виду, философія понимается нѣсколько уже. Мы не говоримъ больше о философіи крестьянина, наивно представляющаго себѣ землю въ видѣ блина, покоющагося на трехъ китахъ, и небо въ видѣ хрустальной чаши, или о философіи цѣлаго народа. Философія, въ научномъ смыслѣ слова, есть прежде всего продуктъ индивидуальной, но не совокупной общей духовной работы. Философіи нѣтъ безъ ея автора, и мы видимъ, что великія системы были созданы мышленіемъ отдѣльныхъ лицъ. Она занимается изслѣдованіемъ человѣческихъ знаній, изслѣдованіемъ, не имѣющимъ никакой практической цѣли и направленнымъ исключительно къ-тому, чтобы „достигнуть цѣльнаго единства представленій о формѣ и связи, о смы-

слѣ и значеніи всѣхъ вещей“ *). Она есть продуктъ знанія и критическаго анализа, что такъ рѣзко отличаетъ ее отъ религіи, покоющейся на вѣрѣ.

Философія не можетъ быть предметомъ вѣры, а можетъ быть основана лишь на знаніи, точно такъ же какъ религія не можетъ быть предметомъ знанія, а только и исключительно вѣры.

Если философія является продуктомъ съ одной стороны познанія, а съ другой—мышленія, то она обладаетъ всѣми качествами науки. Слѣдовательно, отсюда мы можемъ сдѣлать логическое заключеніе: философія есть наука.

Что же за наука философія и что отличаетъ ее отъ другихъ наукъ?

Здѣсь возможны два воззрѣнія. Вѣдь, всѣ науки отличаются другъ отъ друга, во-первыхъ, своимъ предметомъ, во-вторыхъ, своимъ методомъ, поэтому и философія можетъ отличаться отъ другихъ наукъ или своимъ предметомъ, или своимъ методомъ, или, наконецъ, и тѣмъ, и другимъ. Обращаясь къ исторіи философіи, мы видимъ, что оба эти взгляда на сущность философіи имѣли мѣсто въ свое время.

Согласно ученію однихъ философовъ, пред-

*) Паульсенъ. Введеніе въ философію. Стр. 3.

метъ философіи совершенно особый, не имѣющій ничего общаго съ предметами другихъ наукъ. Въ ряду другихъ наукъ, согласно этому взгляду, она занимаетъ особое мѣсто, совершенно такое же, какъ математика, астрономія, физика и другія дисциплины.

По воззрѣнію другихъ, предметъ философіи — общій съ предметами всѣхъ другихъ наукъ, но трактуетъ она ихъ на свой особенный ладъ, разсматриваетъ ихъ съ совершенно особой точки зрѣнія и отличается отъ другихъ наукъ, слѣдовательно, только методомъ. Вся дѣйствительность, по этому воззрѣнію, служитъ предметомъ двоякаго изслѣдованія: философскаго и научнаго. Наука добываетъ факты и устанавливаетъ законы, не вдаваясь въ вопросы „зачѣмъ“? и „для чего?“, задача же философіи состоитъ въ томъ, чтобы обнаружить подлинную сущность и внутреннюю связь вещей.

Первый взглядъ господствовалъ главнымъ образомъ въ XVIII и началѣ XIX столѣтій и нашелъ свое выраженіе преимущественно въ англійской эмпирической философіи. Такъ *Юмъ и Локкъ*, представители этого взгляда на философію, видятъ ея назначеніе главнымъ образомъ въ ученіи о познаніи и въ теоріи морали. *Кантъ* тоже выдѣляетъ для философіи совершенно особый предметъ: теорію человѣческаго познанія, такъ называемую

гносеологію. Его заслуга, по словамъ Куно Фишера, заключается, именно, въ томъ, что онъ сумѣлъ рѣзко разграничить философію отъ другихъ наукъ, выдѣливъ для нея совершенно самостоятельную область. По Канту, объектомъ опыта служатъ вещи и явленія, а объектомъ философіи самый опытъ, т. е. фактъ человѣческаго познанія.

Другіе предоставляютъ философіи спеціальность заниматься духомъ и явленіями нашего внутренняго, невещественнаго міра. *Т. Липпсъ* въ своей психологіи придерживается, именно, такого мнѣнія. *Деринъ* опредѣляетъ философію, какъ науку о благахъ и цѣнностяхъ, т. е. отождествляетъ ее съ этикой. Наконецъ, древнѣйшее представленіе о философіи, представленіе *Аристотеля* и его школы, характеризуетъ ее, какъ науку о самыхъ первыхъ началахъ или основныхъ понятіяхъ всякихъ отдѣльныхъ наукъ.

Эти попытки ограничить область философіи отдѣльными науками были оставлены во второй половинѣ XIX столѣтія, какъ совершенно неудачныя, такъ какъ онѣ не могли исчерпать понятія философіи. Въ самомъ дѣлѣ, наука о познаніи существуетъ, правда, но сушествуетъ лишь, какъ часть философіи и далеко не исчерпываетъ, какъ увидимъ дальше, всѣхъ ея вопросовъ. Наука о благахъ и цѣнностяхъ точно также извѣстна издавна

подъ понятіемъ *этики* и составляетъ лишь часть философіи. Наконецъ, послѣднее опредѣленіе философіи, которое, между прочимъ, принадлежитъ и Ибервегу, разсматривающее ее, какъ науку о первыхъ началахъ другихъ наукъ, страдаетъ слишкомъ туманной неопредѣленностью. Въ самомъ дѣлѣ, какъ узнать, гдѣ кончаются первыя начала всякой науки и гдѣ они начинаются? Что, напримѣръ, въ физикѣ, можно разсматривать, какъ первыя начала? Будутъ ли это общія свойства матеріи, или законы движенія, или гипотезы о строеніи вещества? Вполнѣ очевидно, что на эти вопросы нѣтъ возможности отвѣтить а слѣдовательно нѣтъ возможности отвѣтить и на то, какая, именно, часть физики принадлежитъ философіи.

Послѣдній взглядъ на философію, какъ науку, имѣющую предметомъ всѣ остальныя науки, господствуетъ въ философскомъ міросозерцаніи новѣйшаго времени.

Мы изучаемъ вселенную при посредствѣ различныхъ отраслей знанія. Одинъ и тотъ же предметъ мы можемъ разсматривать и изучать со стороны его различныхъ признаковъ. Въ зависимости отъ того, какой родъ признаковъ въ данномъ предметѣ наиболѣе насъ интересуетъ, мы относимъ его изученіе къ той или другой области знанія. Такимъ образомъ, мы можемъ себѣ представить мно-

го такихъ предметовъ, и они существуютъ въ дѣйствительности, знакомство съ которыми является принадлежащимъ къ различнымъ отраслямъ знанія въ зависимости отъ того, со стороны какихъ именно его признаковъ мы будемъ въ данную минуту его изучать. Какъ отдѣльные объекты, приведенные въ сочетаніе и взаимодѣйствіе, представляютъ своею совокупностью единую вселенную, такъ и надъ науками объ отдѣльныхъ признакахъ этихъ объектовъ должно возвышаться нѣчто болѣе общее, болѣе объединяющее всѣ эти отдѣльныя науки, какое-то высшее знаніе о тѣхъ же предметахъ, но не со стороны какихъ-либо отдѣльныхъ признаковъ, а со стороны ихъ всей совокупности. И это-то высшее знаніе, объединяющее отдѣльныя отрасли знанія и покоющееся на нихъ, и должно быть философіей.

Но если философія отличается отъ прочихъ наукъ только методомъ, то она, въ сущности говоря, должна почти совпасть съ ними?

Да, приходится вывести это заключеніе, и оно совершенно справедливо. Философію нельзя отдѣлить отъ другихъ наукъ. Она есть ничто иное, какъ *совокупность всего научнаго познанія*. Ея предметомъ должна служить вся совокупность дѣйствительности. Всякая отдѣльная наука изслѣдуетъ одну опредѣленную

часть дѣйствительности, не приводя ее во взаимодѣйствіе съ остальными частями. Философія охватываетъ всѣ эти отдѣльныя познанія воедино, чтобы отвѣтить на вопросъ: что же представляетъ изъ себя *вся* дѣйствительность?

Исторія философіи подтверждаетъ этотъ взглядъ на ея истинный предметъ. Такъ *Θалесъ*, родоначальникъ философіи, стремился именно къ тому, чтобы привести всю дѣйствительность къ единству. Правда, его теорія въ высшей степени проста: „всѣ вещи вышли изъ воды и въ воду обратятся“, но тѣмъ не менѣе это все-таки теорія, попытка объясненія сущности всѣхъ вещей.

Платонъ называетъ философію изученіемъ всего сущаго или вѣчнаго и непреходящаго.

Декартъ, позднѣйшій философъ, самъ въ предисловіи къ своему труду опредѣляетъ философію, какъ совокупность человѣческой науки. *Ньютонъ*, *Бойль*, *Гюйгенсъ*, — всѣ разсматриваютъ свои научныя изслѣдованія, какъ составляющія предметъ философіи. Точно также и *Спиноза* понимаетъ подъ философіей единую систему всего научнаго познанія, отвѣчающаго единой дѣйствительности.

Лейбницъ называетъ ее „studium sapientiae“, наукой мудрости, вѣтви которой представляютъ изъ себя отдѣльныя отрасли знанія, а корни— метафизика, наука о принципахъ. По мнѣнію

БИБЛІОТЕКА

Фихте, философія представляетъ изъ себя не только общую науку, имѣющую предметомъ всѣ частныя науки, но и науку, являющуюся преддверіемъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ онъ называетъ философію „теоріей наукъ".

Гегель опредѣляетъ философію, какъ чистое умозрѣніе, мыслящее созерцаніе всѣхъ вещей. Этимъ онъ сводитъ философію исключительно къ дѣятельности чисто отвлеченнаго мышленія и исключаетъ изъ нея опытное изслѣдованіе фактовъ. Послѣднее составляетъ предметъ частныхъ наукъ.

Наконецъ, *Гербартъ* предоставляетъ философіи особенную обработку понятій, матеріаломъ для которой служатъ данныя различныхъ отраслей опытныхъ наукъ.

Христіанъ Вольфъ различаетъ методы научный и философскій слѣдующимъ образомъ: научный отвѣчаетъ на вопросъ: *какъ?* или *что?*, философскій на вопросъ: *почему?* Такъ какъ эти вопросы приложимы ко всякому изслѣдованію, то слѣдовательно предметы философіи и всѣхъ наукъ совпадаютъ.

Позитивная философія *Огюста Конта* окончательно утвердила за ней это значеніе, какъ совокупности всѣхъ знаній, приведенныхъ въ единую стройную систему, хотя съ другой стороны и исказила отличительныя черты ея метода.

Спенсеръ опредѣляетъ философію, какъ

„конечное и высшее единство научнаго познанія".

Дѣйствительно, вѣдь науки не суть случайное нагроможденіе совершенно отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою осколковъ. Онѣ вовсе не стоятъ другъ отъ друга изолированно. Совершенно наоборотъ: онѣ такъ тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности. Физика нуждается въ физіологіи съ одной стороны и въ математикѣ съ другой. Физіологія тѣсно сплетается съ психологіей и съ біологіей. Химія съ физикой и съ механикой. Исторія съ географіей, съ геологіей и съ астрономіей—однимъ словомъ, всѣ онѣ составляютъ единое цѣлое, соотвѣтственно единой дѣйствительности, единому космосу. Понять ихъ взаимоотношенія и на основаніи этого рѣшить загадки бытія—вотъ призваніе философіи.

Такимъ образомъ, никакая философія невозможна безъ знанія наукъ, точно такъ же, какъ и наука безъ философскаго отношенія къ ней спускается на степень механическаго заучиванія фактовъ, причины которыхъ ускользаютъ отъ изслѣдователя.

Философомъ, слѣдовательно, является каждый научный изслѣдователь, стремящійся поставить свои изслѣдованія въ связь со всею дѣйствительностью, независимо отъ того, какой области знанія касаются эти изслѣдованія.

Точно также, какъ ученый, замыкающійся въ кругъ своихъ спеціальностей, и изъ-за нихъ не видящій и не хотящій знать самыхъ общихъ выводовъ о всей дѣйствительности, остается обыкновеннымъ ремесленникомъ науки, хотя бы предметомъ его спеціальности была даже философія въ узкомъ смыслѣ слова. Можно написать исторію философіи и не быть въ то же время философомъ. Не предметъ, а способъ его изслѣдованія дѣлаетъ философомъ. И что приводитъ ученыхъ къ геніальнымъ открытіямъ въ области науки и техники, такъ это, именно, умѣнье примѣнять къ своимъ изслѣдованіямъ философскій методъ. Наоборотъ, что вредитъ и вводитъ въ ужасныя ошибки многихъ естествоиспытателей, превращая ихъ въ ремесленниковъ, такъ это ложное заблужденіе, будто наука возможна безъ философіи. Нѣтъ науки безъ философіи и нѣтъ философіи безъ науки.

Есть еще признакъ философіи, очень существенный, о которомъ я уже говорилъ, и который находится въ самомъ словѣ *философія*. Это слово греческаго происхожденія и встрѣчается первый разъ у Геродота, въ извѣстномъ разсказѣ о встрѣчѣ Солона съ Крезомъ. Крезъ, между прочимъ, привѣтствуя аѳинянина, говоритъ, что слухъ о его мудрости дошелъ уже до него, а также о томъ, „что онъ, философствуя, ради созерцанія, посѣтилъ большую

часть земли". Выраженіе *„ради созерцанія"* стоитъ здѣсь, какъ объясненіе слова „философствуя". Солона дѣлаетъ философомъ, именно, то, что онъ странствуетъ, не имѣя никакой практической цѣли, какъ торговецъ или воинъ. Философъ—любитель мудрости, не имѣетъ въ виду никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ самой мудрости. Платонъ называетъ себя философомъ и противополагаетъ себя софистамъ.

Что отличаетъ софиста отъ философа? Софистъ—это странствующій учитель, по словамъ Платона, который имѣетъ въ виду практическій результатъ—заработокъ денегъ. Онъ странствуетъ не ради созерцанія, а какъ торговецъ, торговецъ знаніемъ. Философъ же, напротивъ, есть чистый созерцатель вещей, онъ не занимается ремесломъ и не ищетъ выгоды. Знаніе—ради знанія—вотъ его назначеніе въ жизни *).

Итакъ, слѣдовательно, существенными признаками философіи являются направленіе къ универсальному познанію единой дѣйствительности и чисто теоретическія цѣли **). Фило-

---

*) Паульсенъ. Введеніе въ философію стр. 20.

**) Необходимо отмѣтить, что съ самыхъ древнихъ временъ взглядъ на философію, какъ на чисто теоретическую дисциплину, раздѣлялся далеко не всѣми философами. Многіе приписываютъ ей и чисто практическія цѣли: познаніе того, что *благо*, а не того, что *истинно*. По ихъ мнѣнію, вопросы мо-

софія обнимаетъ собою всѣ знанія, и, въ свою очередь, всѣ науки, разсматриваемыя въ своей совокупности, приводятъ къ философіи, то есть къ познанію вселенной въ ея цѣломъ и природы всѣхъ вещей вообще.

Итакъ, философія есть совокупность познанія дѣйствительности. Она касается всѣхъ

рали, изученіе основаній того, что хорошо и что дурно, только потому и являются краеугольнымъ камнемъ философіи, что позволяютъ вывести законы поведенія каждаго индивидуума по отношенію къ себѣ и другимъ. *Сократъ* представляется сторонникомъ этого взгляда на философію, и съ его времени это направленіе проходитъ чрезъ всю греческію философію, то господствуя въ ней, то уступая первое мѣсто теоретическому взгляду. Въ современной философіи это направленіе также не исчезло совершенно. Такъ называемая „міровая мудрость“ нѣмецкихъ философовъ XVIII столѣтія, имя, которымъ они окрестили свою философію, подразумѣваетъ, именно, это характерное воззрѣніе на философію, какъ на дисциплину, имѣющую цѣлью выработку практическаго міровоззрѣнія, сосредоточивающаго все вниманіе на правильной оцѣнкѣ добра и зла. Въ недавнее время этотъ взглядъ нѣсколько видоизмѣнился. Сущность философіи стали видѣть здѣсь не въ умозрительномъ ученіи о добродѣтели и выведенныхъ отсюда правилахъ поведенія въ духѣ міровыхъ мудрецовъ XVIII столѣтія, а въ надлежащей оцѣнкѣ существованія вообще и его отдѣльныхъ формъ въ частности. Наконецъ, среди новѣйшихъ философовъ есть такіе, по мнѣнію которыхъ оба вышеприведенныхъ взгляда на философію: тео-

наукъ и приводитъ ихъ въ гармоничное цѣлое. Но ей остается еще сдѣлать окончательный выводъ изъ всего этого, ей предстоитъ еще рѣшить загадки бытія. Разрѣшеніе этихъ загадокъ бытія и представляетъ изъ себя то, что мы называемъ различными философскими системами.

Всѣ философскія системы заняты главнымъ образомъ рѣшеніемъ четырехъ проблемъ: *онтологической, космологической* или *теологической*, *гносеологической* и *этической*. На прилагаемой схемѣ можно видѣть послѣдовательный ходъ человѣческой мысли при рѣшеніи этихъ вопросовъ.

ретическій и практическій ничуть не противорѣчатъ другъ другу. Такъ, по словамъ *Вундта*, это явствуетъ прежде всего изъ того, что наиболѣе вліятельныя философскія системы старались одновременно удовлетворить обѣимъ цѣлямъ: онѣ старались стать научными системами, но въ то же время стремились къ удовлетворяющему воззрѣнію на жизнь, къ правильной оцѣнкѣ, какъ ея самой, такъ и ея благъ. Взглядъ Вундта на цѣль философіи достаточно ярко обрисовывается въ слѣдующихъ его словахъ: „каковы бы ни были опредѣленныя задачи философіи, относительно цѣли ея никогда не существовало сомнѣній. Эта цѣль всегда заключалась въ достиженіи такого общаго воззрѣнія на міръ и на жизнь, которое могло бы удовлетворить требованіямъ нашего разума и потребностямъ нашего сердца". Вундтъ. Введеніе въ философію. Стр. 8.

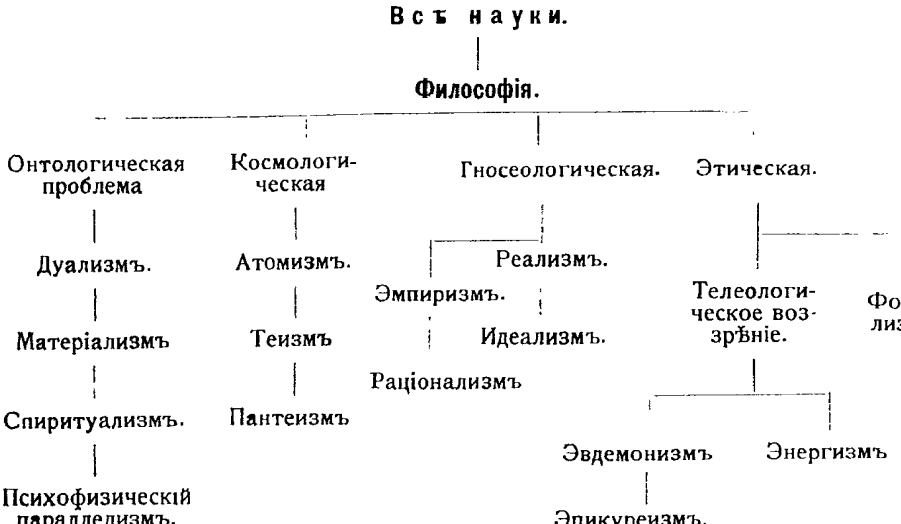


Схема философскихъ ученій.

Каждая изъ системъ отвѣчаетъ на одну опредѣленную проблему. Въ первой строкѣ прилагаемой схемы приведены названія проблемъ, составляющихъ предметъ философіи, а въ дальнѣйшихъ наименованія системъ, пытающихся разрѣшить соотвѣтствующія проблемы.

Мы разсмотримъ вкратцѣ всѣ приведенныя здѣсь системы.

Итакъ, изъ философскаго изслѣдованія всѣхъ наукъ родится философія, которой предстоитъ рѣшить четыре перечисленныхъ проблемы.

Онтологическая проблема выражается вопросомъ: въ чемъ состоитъ природа дѣйствительнаго, какъ такового?

Во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ матеріальные объекты, вещи. Они обладаютъ опредѣленными физическими признаками: протяженностью, вѣсомъ, вкусомъ, запахомъ, цвѣтомъ. Но, кромѣ этого, мы встрѣчаемъ еще движеніе, которое уже не обладаетъ столь уловимыми признаками. Наконецъ, передъ нами выступаетъ, какъ нѣчто совершенно непохожее на матерію, наше собственное сознаніе, процессы ощущенія и мышленія, духовный міръ; явленія, которыя не обладаютъ ни протяженностью, ни вкусомъ, ни запахомъ, ни цвѣтомъ, которыхъ нельзя ни схватить, ни измѣрить. Какъ относятся другъ къ другу обѣ эти формы дѣй-

ствительности, физическій и духовный міръ?— это и составляетъ сущность проблемы онтологической.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ четыре философскихъ ученія: *дуализмъ*, *матеріализмъ*, *спиритуализмъ* и *психофизическій монизмъ* или *параллелизмъ*, или, какъ его иногда называютъ, *монистическій параллелизмъ*.

Дуализмомъ называется воззрѣніе, которое разсматриваетъ физическій и духовный міры, какъ двѣ совершенно самостоятельныя, отдѣльныя области, не имѣющія общихъ точекъ соприкосновенія. Существуетъ два рода субстанцій: тѣлесная и духовная, протяженная и мыслящая, и дѣйствительность есть ихъ механическая смѣсь. Обыкновенные, непривыкшіе къ анализу разсудки охотнѣе всего останавливаются на такомъ рѣшеніи вопроса. Между прочимъ, на этой точкѣ зрѣнія стоитъ и христіанство.

Философія, однако, всегда обнаруживаетъ склонность перейти отъ сложнаго къ болѣе простому, отъ дуализма къ монизму, т. е. къ единству *). Эта склонность лежитъ въ самомъ корнѣ нашего мышленія. Мыслить значитъ находить объясненія извѣстнымъ явленіямъ. Объяснять вещи — значитъ сводить

*) *Монизмъ* происходитъ отъ греческаго слова μόνος, что значитъ: одинъ, единственный.

многообразныя явленія къ простымъ началамъ.

Матеріализмъ и *спиритуализмъ* являются результатами такой склонности къ единству. Матеріализмъ утверждаетъ, что существуетъ только одна физическая, протяженная субстанція, а духовный міръ есть лишь ея отраженіе и относится къ ней, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Всѣ же процессы—суть процессы физическіе, а явленія сознанія просто форма ихъ проявленія.

Спиритуализмъ придерживается противоположной крайности. Согласно его ученію, міромъ дѣйствительнымъ мы можемъ считать лишь міръ духовный, міръ нашего сознанія. Физическій міръ есть только форма міра духовнаго, его невѣрное отраженіе.

Наконецъ, *психофизическій монизмъ* утверждаетъ, что истинной природы вещей мы познать не въ состояніи. Мы видимъ и познаемъ обѣ формы: духовную и физическую единой дѣйствительности. Обѣ эти формы принадлежатъ единой, неизвѣстной намъ субстанціи, непостижимой, но существующей. Мы какъ бы разсматриваемъ одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Процессы физическіе и психическіе протекаютъ совмѣстно и являются двумя сторонами одного, недоступнаго нашему пониманію процесса. Тогда какъ по ученію матеріалистовъ и спиритуалистовъ эти процессы относятся другъ къ другу, какъ

слѣдствіе къ причинѣ, монизмъ разсматриваетъ ихъ, какъ протекающіе *параллельно* и *совмѣстно*, но не стоящіе другъ къ другу въ такомъ отношеніи, какъ причина къ слѣдствію... Монизмъ проповѣдуетъ зависимость между этими процессами параллелизма, но не причинности.

Вотъ, четыре главнѣйшихъ теоріи, отвѣчающія на онтологическую проблему, изъ которыхъ, какъ мы скоро увидимъ, самой обоснованной, конечно, является послѣдняя.

Второй великой проблемой философіи является проблема *космологическая* или *теологическая*, какъ ее называютъ иногда, въ виду того, что она занята рѣшеніемъ вопроса о природѣ верховнаго существа и творца міра.

Какой видъ имѣетъ дѣйствительность, какъ цѣлое? Какое представленіе должны мы составить о взаимодѣйствіи всѣхъ вещей?—эти вопросы также служатъ предметомъ космологической проблемы.

И здѣсь философская мысль шла разными путями, переходя отъ сложнаго къ простому, отъ множественности къ единству.

Атомизмъ разсматриваетъ природу, какъ нагроможденіе совершенно самостоятельныхъ вещей, приходящихъ въ случайное временное взаимодѣйствіе. Ни плана, ни цѣли въ бытіи этихъ вещей нѣтъ никакого. Видимый нами міръ и мы сами—продуктъ случайнаго взаимодѣйствія этихъ самостоятельныхъ, отдѣль-

ныхъ атомовъ, первоэлементовъ. Однако, подобная теорія не могла удовлетворить человѣческій разсудокъ, вездѣ замѣчающій единство и гармонію міра. Онъ не могъ постичь міръ, какъ случайное скопленіе чуждыхъ другъ другу первоэлементовъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, философія приводитъ насъ къ единству, причемъ это единство выступаетъ въ двоякой формѣ. Если его выводятъ изъ плана и воздѣйствія внѣмірнаго творческаго разума, стоящаго совершенно отдѣльно отъ міра — мы имѣемъ *теизмъ*. Христіанство придерживается этого взгляда на вещи. Если же единство проведено гораздо глубже, если дѣйствительность, сама дѣйствительность, разсматривается, какъ единая, истинная субстанція, сама себя направляющая и опредѣляющая, если видимое многообразіе явленій есть только форма этой единой нераздѣльной сущности, если всѣ процессы замыкаются въ единый разумный и планомѣрный процессъ— мы имѣемъ *пантеизмъ*, или отождествленіе Бога съ природой въ ея цѣломъ.

Гносеологическая проблема разсматриваетъ фактъ человѣческаго познанія. Какъ пріобрѣтается познаніе о внѣшнемъ мірѣ и соотвѣтствуютъ ли наши представленія о немъ подлинной дѣйствительности,—вотъ вопросы, которые служатъ ея предметомъ.

Реализмъ и *идеализмъ* съ одной стороны,

эмпиризмъ и *раціонализмъ*—съ другой, даютъ различныя рѣшенія этой проблемы. Если мы задаемся вопросомъ о томъ, *что* такое вообще познаніе, мы придемъ къ реализму или идеализму. Если же насъ будетъ интересовать самый процессъ образованія познанія, то-есть вопросъ о томъ, *какъ* поіобрѣтается познаніе, то мы придемъ къ эмпиризму или раціонализму.

Реализмъ видитъ въ познаніи точный отпечатокъ дѣйствительности: въ познаніи вещи представляются именно такими, какія онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Идеализмъ считаетъ такую точку зрѣнія совершенно невозможной. По его ученію, познаваніе, будучи внутреннимъ психическимъ процессомъ, не можетъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ познаваемыми предметами. Мы не знаемъ вещей такими, каковы онѣ въ дѣйствительности. Всѣ наши представленія есть искаженное до неузнаваемости отраженіе дѣйствительности. Въ наше время реализмъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и, какъ мы увидимъ дальше, данныя современной науки поддерживаютъ насъ въ томъ убѣжденіи, что идеализмъ стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія.

Мы не знаемъ истинной дѣйствительности.

Эмпиризмъ считаетъ единственнымъ источникомъ и средствомъ познанія опытъ. Путемъ органовъ чувствъ мы получаемъ воспрія-

тія отъ внѣшнихъ предметовъ и сочетанія этихъ воспріятій составляютъ опытъ. Раціонализмъ отрицаетъ возможность истиннаго познанія при наличности одного лишь опыта. Согласно этому воззрѣнію, научное познаніе предполагаетъ извѣстную обработку воспріятій при помощи апріорныхъ свойствъ разсудка, не зависящихъ отъ опыта.

Наконецъ, *этическая* проблема разрѣшаетъ вопросъ о благахъ и цѣнностяхъ и въ особенности о сравнительной цѣнности человѣческихъ поступковъ. Что хорошо и что дурно, и почему одно хорошо, а другое дурно?

Телеологическое или *утилитарное* воззрѣніе рѣшаетъ этотъ вопросъ очень просто: хорошо то, что имѣетъ благопріятныя послѣдствія для общества и личности, дурно то, что влечетъ за собою вредныя для нихъ послѣдствія.

Дальнѣйшее развитіе телеологическаго, т. е. цѣлестремительнаго воззрѣнія приводитъ насъ къ *Гедонизму* или *Эвдемонизму и Эпикуреизму*, полагающимъ цѣль человѣческаго существованія въ разумномъ наслажденіи. *Формализмъ* не вдается въ оцѣнку добра и зла и отрицаетъ возможность такой оцѣнки. Дальнѣйшей его стадіей является *энергизмъ*, видящій назначеніе человѣка, вообще, въ дѣятельности, проявляющей сумму всѣхъ высшихъ добродѣтелей и способностей.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ схема и изложеніе тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришла современная философія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что идеализмъ и раціонализмъ, психофизическій монизмъ и пантеизмъ наиболѣе убѣдительно примиряютъ противорѣчія, возникающія при рѣшеніи философскихъ проблемъ. Монизмъ вытекаетъ непосредственно изъ идеализма, а пантеизмъ служитъ развитіемъ монизма. Однимъ словомъ, эти три ученія даютъ, какъ намъ кажется, удовлетворительную систему міра. Въ послѣдующемъ изложеніи мы займемся болѣе подробно двумя первыми проблемами, начавъ съ критики матеріализма и спиритуализма, и постараемся разрѣшить онтологическую проблему, т. е. дать отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся между собой физическій матеріальный и духовный невещественный міръ, и какова ихъ истинная природа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вещественный и духовный міръ.—Отличительные признаки объектовъ физической природы.—Кажущаяся объективность свойствъ матеріи.—Выводы матеріализма.—Критика матеріализма.—Цвѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ и другіе признаки существуютъ только въ нашемъ сознаніи.—Во внѣшней природѣ имъ соотвѣтствуетъ лишь чистое движеніе.

Въ окружающей насъ природѣ и въ насъ самихъ мы замѣчаемъ два рода вещей, совершенно непохожихъ другъ на друга. Съ одной стороны мы встрѣчаемся съ тѣлами, занимающими извѣстный объемъ, имѣющими опредѣленные размѣры въ длину, ширину и высоту, однимъ словомъ, находящимися въ опредѣленномъ мѣстѣ пространства. Вотъ эта этажерка для книгъ состоитъ изъ круглыхъ гнутыхъ брусковъ опредѣленнаго сѣченія и занимаетъ часть пространства, которую уже я ничѣмъ инымъ въ это же время наполнить не могу. Кромѣ того, что физическія тѣла занимаютъ пространство, что является ихъ главной отличительной чертой, имъ присущи еще второстепенные физическіе признаки, признаки всего того, что мы называемъ матеріей. Они обладаютъ извѣстнымъ вкусомъ,

запахомъ, цвѣтомъ, способностью отражать или не отражать лучи, упругостью, хрупкостью и другими качествами. Вотъ этотъ столъ, за которымъ я сижу и пишу, чернаго цвѣта, пахнетъ лакомъ, имѣетъ, безъ сомнѣнія, свой вкусъ, если его разжевать, способенъ до извѣстной степени сопротивляться давленію и ударамъ. Всѣ эти качества мы ясно видимъ и понимаемъ. Они доступны нашимъ чувствамъ. Мы можемъ ощупывать физическія тѣла собственными руками, мы можемъ наглядно убѣдиться, что они занимаютъ опредѣленные размѣры, мы можемъ ихъ измѣрить, мы можемъ ихъ раздробить и попробовать ихъ на языкъ, мы можемъ, однимъ словомъ, всѣми способами убѣдиться въ ихъ вещественности.

Рядомъ съ этими тѣлами, которыя можно видѣть, трогать и пробовать на вкусъ, мы встрѣчаемся съ явленіями совершенно другого порядка, съ явленіями духовнаго міра, съ явленіями нашего сознанія. Эти явленія вовсе не похожи на матеріальные объекты. Мыслей нельзя ни видѣть, ни слышать, ни измѣрять, ни ощупывать. Ихъ нельзя схватить руками или опредѣлить ихъ цвѣтъ. Онѣ не занимаютъ никакого мѣста въ пространствѣ и не имѣютъ никакихъ измѣреній. Ихъ природа представляется намъ какой-то неясной и неуловимой. Мы даже склонны, пожалуй, признать ихъ за ничто только потому, что не

можемъ взять ихъ въ руки, разсмотрѣть подъ микроскопомъ и смѣрить штангенциркулемъ. Не склонный къ анализу, невдумчивый мыслитель дѣлаетъ отсюда простое заключеніе, что только физическій міръ, матерія, доступная нашимъ органамъ чувствъ, представляетъ изъ себя дѣйствительность, только то, что я могу брать руками или видѣть глазами, что занимаетъ часть пространства и существуетъ во времени—только то и является истинными вещами. Процессы же сознанія, нѣчто неуловимое, не имѣющее ни измѣреній, ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха, ни массы—простыя слѣдствія физическихъ измѣненій, происходящихъ въ нашемъ мозгу, и существующія только въ нашемъ воображеніи. Въ объективномъ же мірѣ ихъ не существуетъ. Бездушная, мертвая матерія—вотъ подлинный видъ дѣйствительности.

Таково заключеніе, которое можно вывести при поверхностномъ отношеніи къ этимъ двумъ процессамъ: физическому и психическому, и которое привело въ своемъ послѣдовательномъ развитіи къ матеріализму. Однако, стоитъ только немного вдуматься въ истинный характеръ нашихъ чувствъ и представленій о матеріи и физическихъ процессахъ, чтобы тотчасъ же убѣдиться, что преимущество, основанное на томъ, что матерію можно видѣть, брать руками, мѣрить и вѣ-

шать—въ сущности говоря не преимущество, а приговоръ, разрушающій въ корнѣ всѣ наши представленія о матеріи.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ внимательно всѣ тѣ признаки, которые дѣлаютъ матерію на нашъ взглядъ такою реальною, которые заставляютъ насъ быть убѣжденными въ ея объективности. Эти признаки какъ мы видѣли выше, суть главнымъ образомъ: цвѣтъ, запахъ, вкусъ, протяженность то-есть свойство занимаетъ извѣстную часть пространства и, наконецъ, существованіе во времени. Ни одного предмета, матеріальнаго предмета, мы не можемъ мыслить внѣ времени. Если отъ матеріи откинуть эти признаки, она превратится въ нѣчто совершенно для насъ чуждое, непостижимое и не реальное. Только эти признаки и создаютъ иллюзію реальности существованія матеріи. Посмотримъ же, дѣйствительно ли они являются такою неотъемлемою частью *объективной* матеріи, какъ намъ это кажется, дѣйствительно ли они представляютъ изъ себя принадлежность матеріи *самой въ себѣ*, существующей объективно, то есть совершенно независимо отъ познающаго ее разсудка.

Прежде всего цвѣтъ. Что такое цвѣтъ? Мы видимъ въ природѣ всевозможные цвѣта и оттѣнки, начиная съ ослѣпительнаго яркаго солнечнаго свѣта и кончая темной тропи-

ческой ночью или почти полнымъ отсутствіемъ свѣта. Теперь мы знаемъ, что представленія свѣта и цвѣта зависятъ отъ колебаній чрезвычайно упругой среды: эфира, которыя, производя извѣстныя измѣненія въ свѣточувствительныхъ нервахъ сѣтчатой оболочки глаза, заставляютъ ихъ невѣдомымъ для насъ способомъ, передавать эти измѣненія въ мозгъ и тамъ воплощаются въ нашемъ сознаніи въ видѣ свѣта или цвѣта, не имѣющихъ ничего общаго съ этими колебаніями. Если измѣняется число колебаній въ единицу времени, измѣняется въ нашемъ сознаніи и цвѣтъ предмета. Въ объективной природѣ существуютъ *только колебанія* эфира, которыя сами по себѣ *безцвѣтны* и совершенно не похожи даже на наше представленіе о свѣтѣ, въ субъективномъ же сознаніи существуетъ свѣтъ и нѣтъ никакихъ колебаній. Мы приписываемъ предмету цвѣтъ, но на самомъ дѣлѣ никакого цвѣта этотъ предметъ не имѣетъ, а его поверхность обладаетъ только лишь способностью подъ вліяніемъ падающаго на нее свѣта, сообщать упругому эфиру извѣстное число колебаній въ секунду. Цвѣтъ существуетъ лишь въ нашемъ воображеніи, матерія сама по себѣ цвѣта не имѣетъ. Въ этой вполнѣ очевидной истинѣ можно убѣдиться еще болѣе, если принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство: вѣдь, вос-

принимаемые нашимъ чувствомъ зрѣнія цвѣта спектра вызываются колебаніями эфира, число которыхъ въ единицу времени ограничено вполнѣ опредѣленными и довольно узкими предѣлами, именно 400 трилліоновъ и 756 трилліоновъ въ секунду. Нѣтъ сомнѣнія, что въ природѣ существуютъ колебанія, выходящія изъ этихъ предѣловъ, но они уже не производятъ на наши чувства никакого впечатлѣнія и не даютъ иллюзіи цвѣта. Такимъ образомъ, наше чувство зрѣнія не только совершенно измѣняетъ характеръ явленія, происходящаго въ объективномъ мірѣ, превращая безцвѣтныя колебанія эфира, чистое движеніе, въ представленіе о цвѣтахъ, но и является еще далеко не полнымъ, такъ какъ позволяетъ намъ судить лишь объ очень незначительномъ сравнительно числѣ колебаній. Явленіе въ природѣ остается, но мы его не воспринимаемъ.

Тотъ же самый анализъ примѣнимъ и къ звуковымъ ощущеніямъ. Въ объективной природѣ существуютъ болѣе или менѣе частыя колебанія воздуха или какой либо иной среды, которыя воспринимаются нами, какъ звуки различной высоты. Но что общаго между движеніемъ и звукомъ? Какимъ образомъ въ нашемъ сознаніи движеніе преобразуется въ звукъ? На эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: представленія звука суть явленіе нашего сознанія.

Внѣ нашего сознанія, внѣ нашего разсудка нѣтъ и звуковъ, а есть только ряды колебательныхъ движеній, которые сами по себѣ беззвучны и не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ нашими ощущеніями. Можно смѣло сказать вмѣстѣ съ Теномъ, что мы живемъ среди постоянныхъ галлюцинацій. Наши чувства обманываютъ насъ на каждомъ шагу и заставляютъ насъ приписывать внѣшнимъ предметамъ несуществующіе признаки. Это понялъ еще Будда, провозгласившій своей первою, высшею истиной, что жизнь нашего міра представляетъ одну сплошную иллюзію.

Будемъ анализировать слѣдующіе признаки матеріи. Вкусъ. Но что такое вкусъ? Здѣсь дѣло обстоитъ еще яснѣе, чѣмъ съ цвѣтомъ и звукомъ. Вкусъ обусловливается физическими измѣненіями окончаній вкусовыхъ нервовъ и химическими въ нихъ реакціями. Эти физическія измѣненія и химическія реакціи не имѣютъ ничего общаго съ ощущеніями вкуса. Ни сладость, ни горечь, ни кислота нисколько не похожи на какія бы то ни было химическія реакціи, которыя сами по себѣ, независимо отъ нашихъ чувствъ, безвкусны. И здѣсь наши чувства являются фальшивымъ отраженіемъ явленій совершенно другого порядка, о которыхъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Запахъ? но и запахъ обусловливается точно такими же реакціями,

очень мало пока еще изслѣдованными, реакціями, которыя, воздѣйствуя на окончанія обонятельныхъ нервовъ, вызываютъ въ нашемъ сознаніи ощущеніе запаха. Но и тутъ этотъ запахъ—есть вполнѣ продуктъ нашего сознанія, и въ объективной природѣ ему соотвѣтствуютъ все тѣ же химическія реакціи, чистыя движенія, не имѣющія никакого запаха. Вездѣ въ природѣ, *въ объективной природѣ*, только одно движеніе безцвѣтное и безвкусное, лишенное запаха. Задѣвая нѣкоторыя изъ нашихъ аппаратовъ чувствъ, они преобразовываются тамъ въ нѣчто совершенно другое, непохожее, въ то, что мы привыкли приписывать самимъ внѣшнимъ предметамъ и что, конечно, принадлежитъ всецѣло нашему разсудку.

Мы не имѣемъ и не можемъ имѣть вѣрнаго представленія объ окружающемъ насъ мірѣ. Во первыхъ потому, что всѣ объективные признаки внѣшней природы проходятъ сквозь призму нашихъ чувствъ, которыя искажаютъ ихъ до неузнаваемости, придавая имъ совершенно иныя формы и сущность. Во вторыхъ потому, что наши пять чувствъ воспринимаютъ или, лучше сказать, реагируютъ лишь на ничтожную часть всѣхъ процессовъ, происходящихъ во вселенной. Наши чувства не только насъ обманываютъ насчетъ природы внѣшнихъ явленій, но и оставляютъ насъ въ

полномъ невѣдѣніи относительно громаднаго большинства изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши слуховые нервы откликаются лишь на колебанія, частота которыхъ заключается въ предѣлахъ отъ 16 до 32000 въ секунду. Затѣмъ слѣдуетъ огромная пропасть, отъ 32000 до 1 милліарда колебаній, на которыя нашъ организмъ не реагируетъ совершенно. О процессахъ во внѣшнемъ мірѣ, сопровождающихся колебаніями, заключенными въ этихъ предѣлахъ, мы не имѣемъ никакого представленія. Явленія электричества, электромагнитныя волны, соотвѣтствуютъ колебаніямъ отъ 1 до 34 милліардовъ въ секунду, за которыми снова слѣдуетъ огромный промежутокъ до 400 трилліоновъ колебаній, которые соотвѣтствуютъ ощущенію краснаго цвѣта. И только колебанія, частота которыхъ заключается между 400 и 756 трилліонами, дѣйствуютъ на наши чувства и вызываютъ фальшивое представленіе цвѣта.

Всѣ остальныя движенія въ природѣ оставляютъ наше сознаніе неподвижнымъ и холоднымъ. Въ нашемъ существѣ слишкомъ мало струнъ по сравненію съ многоголосой гармоніей вселенной. Изъ милліоновъ звуковъ онѣ откликаются только лишь на нѣсколько, да и то фальшивыми и измѣненными голосами. И по сравненію съ существами, одаренными способностью воспринимать *всѣ* движе-

нія въ природѣ, мы гораздо болѣе жалки, чѣмъ слѣпой и глухонѣмой по сравненію съ нами. Въ природѣ существуютъ какіе-то внѣшніе предметы, происходятъ какія-то явленія. Ничтожнѣйшая часть изъ нихъ приводитъ въ колебанія чувствительные нервы нашихъ аппаратовъ, и эти аппараты резонируютъ на колебанія вполнѣ опредѣленнымъ образомъ и вызываютъ вполнѣ опредѣленные психическіе процессы сознанія, совершенно не тождественные съ ихъ причинами. Какія бы явленія ни протекали въ объективной природѣ, но, какъ скоро сопровождающія ихъ колебанія приводятъ въ движеніе окончанія зрительныхъ нервовъ,—мы будемъ неизмѣнно получать представленія цвѣтоваго порядка. Если бы на тѣ же колебанія могли реагировать наши слуховые органы—мы не увидѣли бы цвѣтовъ, но услышали бы звуки. Извѣстно, что механическія раздраженія окончаній зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, сопровождающія операціи, очень часто вызываютъ иллюзію яркаго свѣта или громкаго звука. Такимъ образомъ, всѣ тѣ признаки, которые мы привыкли приписывать объективной матеріи, въ сущности говоря есть простыя слѣдствія раздраженій окончаній нашихъ нервовъ. И каковы бы ни были причины такого раздраженія, слѣдствіе всегда будетъ одно и тоже: привычныя представленія цвѣта или зву-

ка или какого-нибудь другого ощущенія въ зависимости отъ того, какіе, именно, нервы подвергаются раздраженію.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ возможности существованія организма во всемъ подобнаго нашему, но такого, у котораго зрительные нервы направлялись бы въ участокъ мозга, завѣдующій слуховыми впечатлѣніями, а слуховые нервы въ участокъ мозга, завѣдующій зрительными впечатлѣніями. У такого существа всѣ раздраженія слуховаго нерва преобразовались бы въ цвѣтовыя впечатлѣнія и наоборотъ: всѣ раздраженія зрительныхъ нервовъ въ звуковыя ощущенія. Внѣшній міръ, отраженный въ сознаніи этого существа, измѣнился бы до неузнаваемости, до невѣроятія. Прекраснѣйшія картины великихъ мастеровъ являлись бы въ его сознаніи лишь безпорядочной какофоніей звуковъ. Тѣ музыкальныя произведенія, что плѣняютъ нашъ слухъ, тѣ мелодичныя оперы и симфоніи, которыми мы заслушиваемся, превратились бы для него въ послѣдовательную смѣну всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Наоборотъ, причудливо измѣняющійся рисунокъ калейдоскопа звучалъ бы въ его сознаніи музыкальной гармоніей. Голоса и звуки были бы для него лишь цвѣтами, видѣнія превратились бы въ звуки. Оно, это существо, не видало бы голубого неба, но слышало бы какой-нибудь невѣдомый для

насъ звукъ, оно не слышало бы раскатовъ грома, но видѣло бы, быть можетъ, страшные и недоступные намъ образы. Поэзія тихой звѣздной ночи звучала бы въ его сознаніи божественными музыкальными фразами, звѣзды не мерцали бы, но шептали невѣдомыя намъ рѣчи, а рѣки и ручьи не журчали бы, но свѣтились страннымъ, непонятнымъ для насъ свѣтомъ, и водопады не шумѣли бы, но, быть можетъ, ярко блистали. Любое явленіе, сопровождающееся нынѣ одновременно звуковыми и зрительными впечатлѣніями, сдѣлалось бы для насъ неузнаваемымъ, если бы мы очутились въ положеніи этого существа, такъ какъ цвѣтъ и звукъ перемѣнились бы своими мѣстами. Идя по улицѣ, мы не видѣли бы домовъ, но *слышали бы* ихъ, и мы не слышали бы голосовъ прохожихъ, но *видѣли бы* эти голоса. Такъ чудовищно, такъ невѣроятно измѣнился бы внѣшній міръ, если бы только въ воспринимающихъ его явленія органахъ чувства было бы сдѣлано сравнительно такое ничтожное измѣненіе. Міръ самъ, между тѣмъ, нисколько не измѣнился. Остались тѣ же колебанія среды, сами по себѣ безцвѣтныя и беззвучныя. Ни на одну іоту не измѣнился его подлинный, дѣйствительный видъ, а между тѣмъ, наши представленія о немъ въ томъ и другомъ случаѣ были бы совершенно противоположны, не имѣли бы никакого сход-

ства. Пусть кто-нибудь изъ читателей попробуетъ углубиться въ сказанное мною и вообразитъ себя воспринимающимъ зрительныя впечатлѣнія слуховымъ аппаратомъ, а слуховыя зрительнымъ. Онъ ужаснется той страшной фантасмагоріи, которая пройдетъ предъ его умственными очами и, конечно, воскликнетъ: Да, вѣдь, это не тотъ міръ!

Но міръ тотъ же самый. Различны только процессы нашего сознанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первичные признаки матеріи: протяженность и вовременность.—Генезисъ представленій пространства и времени.—Пространство и время по Канту. По Гюйо.—Субъективность этихъ представленій, какъ образовавшихся при посредствѣ субъективныхъ ощущеній.—Міръ внѣ пространства и времени.

Итакъ, такіе признаки матеріи, какъ цвѣтъ, запахъ, вкусъ, оказываются всецѣло принадлежащими нашему сознанію. Въ объективной природѣ имъ соотвѣтствуетъ нѣчто совершенно другое, о чемъ мы, связанные своими чувствами, не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія. „Хорошо,—скажутъ убѣжденные матеріалисты.—Пусть будетъ такъ. Пусть вкусъ, цвѣтъ, запахъ,—все это существуетъ только внутри насъ, но вѣдь, кромѣ этихъ признаковъ, существуютъ еще другіе: пространство и время. Эти-то признаки уже вполнѣ объективны, они, дѣйствительно, принадлежатъ матеріи самой въ себѣ, и никакой анализъ не въ силахъ доказать противное."

На первый взглядъ это какъ будто и кажется неоспоримымъ. Ни одного предмета мы не можемъ мыслить внѣ времени. Ни одного предмета мы не можемъ представить себѣ, не занимающимъ извѣстной части пространства.

Протяженность матеріальныхъ объектовъ и ихъ существованіе во времени кажется намъ настолько независимымъ отъ насъ самихъ и присущимъ вещамъ въ себѣ, что мысль человѣческая долго не переходила этой границы и считала пространство и время вполнѣ объективными, существующими внѣ нашего сознанія. Такъ Декартъ, Локкъ, Гоббзъ хотя и сходились на томъ, что такія свойства тѣлъ, какъ цвѣтъ, вкусъ, запахъ, не составляютъ объективныхъ признаковъ матеріи, а только являются такими въ нашемъ сознаніи, но всѣ они одинаково признавали, что протяженность и вовременность *) матеріи представляютъ изъ себя ея „первичныя", существующія независимо отъ нашего познанія, свойства. Однако, позднѣйшіе мыслители, во главѣ которыхъ стоитъ Кантъ, нашли, что граница, поставленная между субъективными и объективными признаками матеріи, совершенно произвольна. Тотъ же анализъ, который приводитъ насъ къ убѣжденію, что цвѣта и звуки только лишь явленія сознанія,—тотъ же анализъ заставляетъ насъ признать, что столь же субъективны наши представленія о пространствѣ

*) Я впервые употребляю этотъ новый, если не ошибаюсь, терминъ въ философіи. *Вовременность*, какъ нельзя лучше характеризуетъ тотъ признакъ матеріи, о которомъ идетъ рѣчь, — необходимость существованія во времени.

и времени. Для обыкновеннаго, не привыкшаго къ отвлеченному мышленію разсудка, чрезвычайно трудно постигнуть субъективность пространства и времени, гораздо труднѣе, чѣмъ субъективность такихъ признаковъ, какъ цвѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ и т. д. Въ первое время даже трудно понять, что, собственно говоря, означаетъ выраженіе „субъективность пространства и времени", и въ какомъ направленіи слѣдуетъ изощрить свою мысль для того, чтобы уяснить себѣ его смыслъ. Недаромъ Паульсенъ говоритъ, что наилучшимъ реактивомъ на философскія способности разсудка является попытка постигнуть полную субъективность этихъ признаковъ матеріи.

Мы привыкли представлять себѣ пространство, какъ какую-то среду, въ которую погружены всѣ матеріальные объекты. Намъ кажется даже, что мы можемъ мыслить эту среду самое по себѣ, то есть имѣть представленіе пустого, незаполненнаго ничѣмъ пространства. Однако, подобное убѣжденіе принадлежитъ лишь къ обыкновеннымъ иллюзіямъ разсудка. Пусть читатель попробуетъ представить себѣ такое чистое пространство, ничѣмъ не заполненное, и при этомъ внимательно проанализируетъ содержаніе получившагося въ его разсудкѣ представленія. Онъ тотчасъ же убѣдится, что у него имѣется представленіе *лишь формы* этого пространства, которое является его со-

знанію или въ видѣ сосуда, или въ видѣ ящика, или въ видѣ какого либо другого помѣщенія, внутри котораго онъ помѣщаетъ пустоту. То-есть онъ сознаетъ не пространство само по себѣ, а лишь форму его заключающую. Въ лучшемъ случаѣ онъ представитъ себѣ пустоту, но не чистое пространство.

Въ дѣйствительности, пространство такъ же мало является свойствомъ вещей самихъ въ себѣ, какъ и всякій другой признакъ матеріи, возникающій въ нашемъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если внимательно проанализировать генезисъ представленія пространства, станетъ яснымъ, что оно складывается въ нашемъ сознаніи изъ совокупности зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній. Человѣкъ, лишенный этихъ чувствъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ бы и ни малѣйшаго представленія о пространствѣ, вопреки Канту, который считаетъ его *апріорной* формой мышленія. Дитя, не научившееся еще координировать своихъ чувственныхъ представленій, имѣетъ весьма неясное понятіе о пространствѣ. Оно тянется къ предметамъ, которые находятся, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей, предполагая, что ихъ можно схватить руками. Лишь впослѣдствіи, совокупность признаковъ, даваемыхъ намъ при помощи осязательныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ и мышечныхъ ощущеній, научаетъ насъ безошибочно оцѣнивать про-

странство и то лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ мы привыкли примѣнять свидѣтельства своихъ чувствъ. Гдѣ чувства, помогающія намъ судить о *вторичныхъ* признакахъ матеріи, попадаютъ въ непривычныя для нихъ условія, тамъ и *первичный* признакъ: представленіе пространства искажается до неузнаваемости.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на самомъ дѣлѣ пространство и время вовсе не являются какими-то субстанціями, существующими въ дѣйствительности, въ которыя какъ бы погружены всѣ предметы, а представляютъ изъ себя лишь *формы нашего мышленія*, формы нашего внутренняго созерцанія Эти формы совершенно не принадлежатъ природѣ самой по себѣ, онѣ существуютъ только въ нашемъ сознаніи, ограничивая нашъ и безъ того узкій кругозоръ.

Въ критикѣ чистаго разума Кантъ логически и метафизически доказываетъ эту самую интересную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую трудную проблему теоріи познанія. Онъ приходитъ къ заключенію, что пространство и время необходимо должны быть *апріорными формами* нашего сознанія. Намъ кажется, однако, что Кантъ правъ въ своихъ выводахъ лишь постольку, поскольку онъ отрицаетъ за пространствомъ и временемъ объективность и признаетъ ихъ *формами* мышленія. Что же касается утвержденія, будто эти формы *апріорны*,

то его едва ли можно признать вѣрнымъ, такъ какъ Кантъ основываетъ его на неправильныхъ положеніяхъ, несогласныхъ съ позднѣйшими научными изслѣдованіями. По его мнѣнію, представленія пространства и времени предшествуютъ всякому опыту, такъ что при самыхъ первыхъ воздѣйствіяхъ, получаемыхъ нами отъ объектовъ природы, послѣдніе уже, такъ сказать, размѣщаются въ готовыхъ формахъ пространства и времени. Мы не согласны съ такимъ анализомъ генезиса представленій пространства и времени и вмѣстѣ съ Гюйо *) думаемъ, что эти представленія возникаютъ въ нашемъ сознаніи и эволюціонируютъ въ немъ параллельно съ нашимъ собственнымъ опытомъ о внѣшнихъ предметахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшія данныя экспериментальной психологіи доказываютъ съ очевидною ясностью, что представленія пространства и времени отнюдь не предшествуютъ опыту, но являются слѣдствіемъ опытнаго познанія окружающихъ предметовъ. Въ началѣ сознательной жизни представленія пространства и времени не отличаются такою ясностью и опредѣленностью, какъ впослѣдствіи, въ періодъ полнаго развитія интеллекта. Съ теченіемъ времени, при наличности опыта, эти

*) Гюйо. Происхожденіе идеи времени. Стр. 14.

представленія пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе отчетливый характеръ и становятся уже неизбѣжными при дальнѣйшей дѣятельности разсудка.

Но если эти представленія создаются путемъ опыта, путемъ познаванія внѣшняго міра, то не значитъ ли это, что они являются свойствами познаваемыхъ объектовъ, а вовсе не познающаго субъекта? На это даетъ отвѣтъ сдѣланный нами въ предыдущей главѣ анализъ тѣхъ элементовъ познаванія, изъ которыхъ собственно складывается нашъ опытъ о внѣшнихъ предметахъ. Мы видѣли, насколько субъективны представленія, получаемыя нами при помощи нашихъ органовъ чувства: зрѣнія, слуха, осязанія и пр., то-есть тѣ представленія, которыя и являются составными частями опыта. Мы видѣли, въ какой ничтожной степени можно ихъ считать принадлежащими *вещамъ самимъ въ себѣ*. На основаніи этого опыта, т. е. на основаніи свидѣтельства нашихъ чувствъ у насъ составляется представленіе о пространствѣ. Очевидно, что это представленіе составленное на основаніи другихъ, субъективныхъ представленій, настолько же субъективно, какъ и они.

Идея пространства вовсе не *апріорное* *)

*) Пожалуй, можно вмѣстѣ съ Кантомъ назвать пространство и время *апріорными* категоріями раз-

свойство разсудка, или еще менѣе, свойство дѣйствительнаго, внѣшняго міра, а точно такая же иллюзія сознанія, какъ звукъ или свѣтъ.

Мы проанализировали генезисъ представленія пространства и попытались опредѣлить его подлинную сущность. Остается еще время.

Но что такое время?

Какъ опредѣлить его, этотъ самый неуловимый и въ то же время кажущійся наиболѣе объективнымъ и независимымъ отъ познанія, признакъ матеріи?

Къ понятію о времени насъ, приводитъ постоянное движеніе, измѣненія происходящія во внѣшнемъ мірѣ. Всѣ предметы и явленія измѣняются съ теченіемъ времени, являются намъ все въ новыхъ и въ новыхъ видахъ, позволяютъ себя, такъ сказать, наблюдать все съ новыхъ и новыхъ сторонъ. Мы видимъ послѣдовательную смѣну дней и ночей, временъ года, цѣлыхъ столѣтій. Передъ нами проходятъ различныя явленія,

---

судка, однако, помня при этомъ, что „апріорное“ слѣдуетъ здѣсь понимать не въ томъ смыслѣ, что оно предшествуетъ всякому опыту, а лишь въ томъ, что условія возникновенія идей пространства и времени лежатъ въ свойствахъ самого разсудка. Въ такомъ же смыслѣ представленія звука и цвѣта можно было бы назвать апріорными категоріями разсудка.

начиная съ самыхъ простыхъ и обыденныхъ и кончая самыми сложными.

Матеріальные объекты измѣняютъ свое положеніе въ пространствѣ, свой внѣшній видъ, нѣкоторыя изъ своихъ свойствъ и качествъ. Эти - то послѣдовательно воспринимаемыя нашимъ сознаніемъ явленія и качества предметовъ, только одни и создаютъ увѣренность въ существованіи времени. Человѣкъ, лишенный возможности наблюдать какія-либо измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, не будетъ въ состояніи судить о времени. Можно съ увѣренностью сказать, что, если бы мыслящее существо возможно было бы поставить въ такія условія, чтобы оно совершенно было лишено воспріятія какихъ-либо послѣдовательныхъ процессовъ, не исключая и процессовъ, происходящихъ въ собственномъ организмѣ, а также смѣны такихъ ощущеній, какъ холодъ, голодъ, жажда, усталость и т. п., то оно не имѣло бы никакого понятія объ идеѣ времени и не было бы въ состояніи постигнуть ее, точно такъ же, какъ слѣпорожденный не въ состояніи постигнуть того, что такое ощущеніе видѣнія. Разумѣется, ни одно, подобное намъ мыслящее существо, не можетъ быть поставлено въ такія условія, хотя бы потому, что самый процессъ мышленія связанъ съ понятіемъ объ измѣненіи и послѣдовательности, и потому существо, поставленное въ выше-

упомянутыя условія, потеряло бы тѣмъ самымъ способность мыслить. Для нашего разсудка, поэтому, идея времени неизбѣжна, но зато она и существуетъ только въ нашемъ разсудкѣ, вслѣдствіе какихъ-то чисто субъективныхъ свойствъ его.

Въ объективной же природѣ времени нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ въ ней и пространства. Истинная дѣйствительность стоитъ внѣ времени и внѣ пространства. Попробуемъ допустить противное, и мы тотчасъ же должны будемъ придти къ абсурду, что, въ сущности говоря, ничего не существуетъ, къ полному небытію, отрицанію дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ на минуту, что существованіе во времени есть объективное, независимое отъ нашего познаванія свойство матеріи. Въ такомъ случаѣ, мы должны будемъ логически допустить, что того состоянія вещей, которое непосредственно предшествовало данному моменту, *уже* не существуетъ, а того, которое будетъ непосредственно за нимъ слѣдовать, *еще* не существуетъ. Такимъ образомъ, существуетъ, то есть обладаетъ признакомъ бытія, только то состояніе вещей, которое соотвѣтствуетъ настоящему. Но что же считать за настоящее? Можно ли считать за настоящее годъ, или мѣсяцъ, или день? Или одну секунду, или одну тысячную секунды? Если мы, хоть немного подумаемъ надъ этимъ вопросомъ

мы неминуемо придемъ къ тому заключенію, что настоящаго не существуетъ совсѣмъ, такъ какъ настоящее—есть не болѣе, какъ граница, не имѣющая никакого измѣренія и отдѣляющая прошедшее отъ будущаго. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ логическому нонсенсу, что то состояніе вещей, которое обладаетъ признакомъ бытія, заключено въ форму, не обладающую этимъ признакомъ; что прошедшаго *уже* нѣтъ, будущаго *еще* нѣтъ, а настоящее—только граница между прошедшимъ и будущимъ. Слѣдовательно, *не существуетъ ничего*. Вотъ къ какимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ невѣрное предположеніе объ объективности времени.

Конечно, смѣшно думать, что тѣ краткія замѣчанія, которыя я привелъ, могутъ быть названы доказательствами субъективности времени и пространства. Я только слегка намѣтилъ идею этого доказательства, обозначилъ путь его. Кантовская теорія познанія занимается детальнымъ выясненіемъ этой наиболѣе абстрактной проблемы и, въ концѣ концовъ, приводитъ насъ къ единственному возможному заключенію: пространство и время не есть нѣчто, присущее тѣламъ самимъ въ себѣ. Они такъ же мало принадлежатъ имъ, какъ красный цвѣтъ, пріобрѣтаемый предметами, если смотрѣть на нихъ сквозь окрашенное стекло.

Какъ красный оттѣнокъ обусловливается

здѣсь лишь свойствомъ стекла, но никоимъ образомъ не предмета, такъ и нахожденіе міра въ пространствѣ и времени обусловливается не свойствами этого міра, а лишь качествами нашего разсудка. *Пространство и время*, по опредѣленію Канта, *суть формы нашего мышленія*, нашего внутренняго созерцанія. Внѣшній міръ не обусловливается пространствомъ и временемъ, а лишь является такимъ нашему разсудку, ограниченному этими внутренними, неизбѣжными для него формами.

Намъ не доступно ни будущее, ни прошедшее. Мы не видимъ его и не воспринимаемъ. Но это вовсе не значитъ, что его не существуетъ. Только наше сознаніе, заключенное въ узкія рамки времени, не можетъ объять міра во всей его полнотѣ, не можетъ одновременно постигнуть и прошедшее, и настоящее, и будущее. Мы, какъ бы идемъ по дорогѣ времени, и при этомъ наши глаза устроены такъ, что они могутъ смотрѣть лишь въ направленіи перпендикулярномъ этой дорогѣ. Въ силу этого качества мы не въ состояніи увидѣть ни того, что впереди насъ на дорогѣ, ни того, что осталось позади насъ. Нашему познанію доступна только узкая полоска пути, на которой мы въ данную минуту находимся. Но дорога все-таки существуетъ. То мѣсто, гдѣ мы прошли, продолжаетъ оставаться неизмѣннымъ, точно такимъ же, какимъ оно было до нашего прохода, точно

также и впереди насъ дорога существуетъ уже, но только мы ее не видимъ. *Наша жизнь есть ничто иное, какъ путешествіе во времени* *), какъ послѣдовательное знакомство съ *неизмѣннымъ, не знающимъ ни пространства, ни времени космосомъ*. Аміель въ своемъ „Journal intime“ сравниваетъ жизнь людей съ положеніемъ существъ, находящихся въ центрѣ огромной сферы. Эти существа могутъ видѣть лишь нѣкоторую часть этой сферы, вырѣзанную крайними лучами, идущими изъ ихъ зрачковъ. Остальная часть, хотя и существуетъ, но для

*) Гюйо слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это путешествіе: „...время является какъ бы четвертымъ измѣреніемъ вещей, занимающихъ пространство. Рядомъ съ линіями, поверхностями, разстояніями, которыя можно преодолѣть посредствомъ движенія, существуетъ еще разстояніе особаго рода, которое можно преодолѣть, переходя черезъ всѣ промежуточныя звенья; это—разстояніе между объектомъ, которымъ владѣешь, и объектомъ, котораго желаешь, есть разстояніе времени. Часы, дни, годы - все это пустые ящики, въ которыхъ мы размѣщаемъ всѣ ощущенія по мѣрѣ того, какъ получаемъ ихъ. Когда эти ящики полны и когда мы можемъ пробѣжать весь рядъ ихъ, нигдѣ не встрѣчая перерыва они образуютъ то, что мы называемъ временемъ. Прежде это были подраздѣленія пространства; теперь же накопленіе ощущеній и правильное распредѣленіе ихъ въ пространствѣ создало ту видимость, которую мы именуемъ временемъ“. Гюйо. Происхожденіе идеи времени. стр. 54.

ихъ глазъ недоступна. Наши умственныя очи, наше сознаніе, точно также не можетъ увидѣть сразу всю вселенную и принуждено довольствоваться послѣдовательнымъ познаваніемъ, а эта послѣдовательность познаванія и создаетъ иллюзію времени.

Мы не можемъ себѣ представить, какой имѣетъ видъ вселенная внѣ времени и внѣ пространства. По всей вѣроятности, это что-нибудь настолько непонятное, настолько ошеломляющее, что мы никогда не будемъ въ состояніи, хотя бы слегка, приблизиться къ этому пониманію.

Вездѣсущіе и вѣчность—вотъ прямыя для насъ слѣдствія возможности такого представленія. Причемъ *вѣчность* здѣсь надо понимать не въ обыденномъ значеніи этого слова, какъ безконечное теченіе жизни во времени, а какъ полное отсутствіе понятій о прошедшемъ, будущемъ и настоящемъ. Вещи внѣ времени—это вещи, находящіяся въ различныхъ состояніяхъ *одновременно, сразу*. Этотъ столъ, подлинный, дѣйствительный, существующій внѣ времени—долженъ былъ бы явиться нашему просвѣтленному сознанію сразу и въ видѣ растущаго въ полѣ дерева, и въ видѣ частичекъ кислорода и водорода, которыя впослѣдствіи вошли въ его составъ, и въ видѣ распиленныхъ брусковъ. Правда, на первый взглядъ подобные выводы кажутся праздной фанта-

зіей. Они непостижимы. Они вызываютъ недовѣрчивую улыбку, но, между тѣмъ, основанія логики и метафизики нисколько не нарушенывъ этихъ выводахъ. Если бы нашему разсудку удалось наминуту вырваться изъ оковъ времени, изъ того узкаго, темнаго лабиринта, который мѣшаетъ намъ любоваться міромъ, въ какомъ необыкновенномъ, новомъ видѣ все предстало бы предъ нами! Мы сразу чувствовали бы себя и дѣтьми, и взрослыми, и одновременно бы ощущали и расцвѣтъ самой пышной молодости, и холодныя объятья узкаго гроба... Но разсудокъ нашъ скованъ настолько прочно, что даже одна мысль объ освобожденіи приводитъ насъ въ трепетъ. Хорошо еще, что на нашъ разумъ наложено только двѣ оковы—пространство и время, но, быть можетъ, существуютъ мыслящіе субъекты, формы мышленія которыхъ гораздо многочисленнѣе и совершенно иныя, чѣмъ у насъ. Нечего и говорить, что въ нашихъ представленіяхъ о мірѣ въ этомъ случаѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сходства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Торжество идеализма.—Несостоятельность матеріализма и, какъ реакція философскаго міросозерцанія, увлеченіе спиритуализмомъ.—Критика спиритуализма.—Отрицаніе дѣйствительности.—Психофизическій параллелизмъ и возраженія матеріалистовъ.—Причина и слѣдствіе въ мірѣ матеріи.—Невозможность причинной зависимости между психическими и физическими процессами.—Духовные процессы съ точки зрѣнія матеріализма.—Духовные процессы съ точки зрѣнія психофизическаго параллелизма.—Универсальный монизмъ Спинозы и всеобщее одушевленіе.

Мы видѣли, что всѣ тѣ признаки матеріи, на которыхъ нашъ разсудокъ основывалъ ея неоспоримую объективность и абсолютность, оказались существующими только въ нашемъ сознаніи. Цвѣтъ, вкусъ, запахъ, упругость, непроницаемость, протяженность, вовременность—все то, что заставляетъ насъ отдавать предпочтеніе матеріи, какъ чему-то болѣе существенному, болѣе реальному, чѣмъ процессы нашего сознанія, въ концѣ концовъ, оказалось ничѣмъ инымъ, какъ такимъ же процессомъ того же самаго сознанія. Матерія, или вѣрнѣе наше представленіе о матеріи, свелось къ міру духовныхъ, нематеріальныхъ явленій. Этимъ полнымъ идеализмомъ, которымъ мы обязаны главнымъ образомъ завоеванію въ области наукъ, матеріализмъ былъ

совершенно поколебленъ, и философія въ своихъ исканіяхъ вдалась сейчасъ же въ противоположную крайность. Исходя изъ того, что наше представленіе о процессахъ, происходящихъ во внѣшнемъ мірѣ, остается только лишь психическимъ процессомъ нашего сознанія, она тотчасъ же провозгласила, что этого внѣшняго міра не существуетъ, что существуютъ только внутренніе сознательные процессы, слѣдствіемъ которыхъ является представленіе о какомъ-то внѣшнемъ мірѣ. Тотъ же недостатокъ анализа и поспѣшность заключеній, которые привели раньше философію къ матеріализму, привели ее теперь къ отрицанію матеріи, къ спиритуализму, съ тою только разницей, что увѣренія спиритуалистовъ еще болѣе непродуманы, ребячливы и безосновательны, чѣмъ увѣрѣнія матеріалистовъ. Причины той и другой крайности, конечно, одинаково коренятся въ одностороннемъ разсмотрѣніи вопроса. Но матеріалистамъ ихъ заблужденія все таки болѣе извинительны, потому что они принимаютъ за причину то, что, дѣйствительно, является (*не говорю—есть*) нашему сознанію причиной, а за слѣдствіе то, что, дѣйствительно, является для него слѣдствіемъ. Тогда какъ спиритуалисты игнорируютъ совершенно причину, откидываютъ ее безъ малѣйшаго основанія и смѣшиваютъ ее самымъ грубымъ образомъ со слѣдствіемъ

Въ самомъ дѣлѣ, причины процессовъ нашего сознанія, тѣхъ процессовъ, что вызываютъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ, лежатъ внѣ насъ. Мы видѣли уже, что причины эти вовсе не таковы, какими онѣ намъ являются, какими намъ кажутся, но тѣмъ не менѣе онѣ существуютъ. Онѣ производятъ на переферіи нашихъ нервовъ тѣ импульсы, которые вызываютъ психическіе процессы. Отрицать существованіе этихъ причинъ—все равно, что отрицать дѣйствительность, а утверждать, какъ это дѣлаютъ спиритуалисты, что внѣшній міръ существуетъ лишь въ нашемъ воображеніи, что процессы сознанія суть причины, а не слѣдствія этихъ импульсовъ—это значитъ, какъ мы уже говорили выше, признаться въ окончательномъ непониманіи взаимоотношеній причинъ и слѣдствій. Какъ смѣшно отрицать міръ духовный и говорить, что познаніе есть вещественный процессъ—смѣшно, потому, что это ровно ничего не объясняетъ и, кромѣ того, противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ мы отлично *знаемъ*, что всякій психическій процессъ не имѣетъ ничего общаго ни съ химическимъ, ни съ физическимъ,—такъ еще смѣшнѣе отрицать существованіе внѣшняго міра только потому, что представленіе наше о немъ проходитъ сквозь призму нашего сознанія и, повидимому, совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Это смѣшно, какъ смѣшны

всякія крайности въ ученіяхъ и системахъ, авторы которыхъ увѣрены, что они что-то такое объясняютъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ вся ихъ роль сводится къ тому, что они произвольно выбрасываютъ изъ круга своего разсмотрѣнія рядъ тѣхъ признаковъ, которые могутъ поколебать ихъ теоріи, и, въ концѣ концовъ, ровно ничего не объясняютъ, а лишь способствуютъ затемненію истины. Сторонники спиритуализма и матеріализма, какъ и всѣхъ крайнихъ, основанныхъ на односторонніхъ, недостаточно продуманныхъ выводахъ, теорій,—напоминаютъ спорщиковъ, разматривающихъ одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Они съ пѣной у рта будутъ спорить о томъ, бѣлый или черный этотъ предметъ, и каждый будетъ настаивать на своемъ. Но имъ и въ голову не придетъ обернуть этотъ предметъ на другую сторону, и убѣдиться, что съ одной стороны онъ выкрашенъ въ черную, а съ другой въ бѣлую краску. Каждый изъ нихъ правъ со своей точки зрѣнія, но у нихъ не хватаетъ философскаго мышленія для того, чтобы путемъ объективнаго изслѣдованія явленія согласить противоположность своихъ взглядовъ и, такимъ образомъ, если и не найти истину, то, во всякомъ случаѣ, приблизиться къ познанію ея, насколько возможно.

Впрочемъ, есть и хорошая сторона въ этихъ

односторонних выводахъ. Они позволяютъ третьему лицу оцѣнить недостатки и ошибки въ выводахъ, приводящіе къ разногласію сторонниковъ двухъ крайностей. Они заставляютъ его найти среди этихъ заблужденій правильный путь, согласить противоположныя заключенія и способствовать выясненію истины. Въ философіи противорѣчивыя и необоснованныя заключенія спиритуалистовъ и матеріалистовъ, приводившія постоянно къ безконечнымъ и совершенно безплоднымъ спорамъ, вызвали ту критическую оцѣнку обѣихъ теорій, которая привела Спинозу къ признанію ихъ несостоятельности и дала ему нити для нахожденія истины, сокрытой въ глубинѣ лабиринта мысли. Изъ разсмотрѣнія явной ошибочности и односторонности крайностей матеріализма и спиритуализма родилась теорія *психофизическаго монизма*, быть можетъ, и не вполнѣ свободная, въ свою очередь, отъ увлеченій и ошибокъ, но все же совершенно лишенная тѣхъ грубыхъ противорѣчій, бросающихся въ глаза даже непосвященному, которыми такъ пестрятъ односторонніе теоріи. Намъ кажется, что теорія психофизическаго монизма—одно изъ дѣйствительнѣйшихъ и серіознѣйшихъ завоеваній человѣка въ области чистой мысли и несомнѣнно приближаетъ насъ къ познанію истины, если только, вообще, такое познаніе возможно для слабаго человѣческаго разсудка.

Мы видѣли уже, какъ теорія познанія, разработанная Кантомъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приводящая насъ къ неизбѣжному идеализму,—совершенно колеблетъ матеріализмъ и отнимаетъ у матеріи всѣ свойства, казавшіяся столь реальными, столь объективными. Однако, не на этой почвѣ предстоитъ нанести матеріализму, а равнымъ образомъ и спиритуализму, послѣдній ударъ: умозрительныя доказательства, приводящія къ идеализму, необычайно убѣдительны и безспорны, но они тотчасъ же стушевываются и забываются, какъ только разуму, въ особенности настроенному матеріалистически, приходится сталкиваться воочію съ тѣми свойствами матеріи, которыя только что имъ были признаны принадлежащими исключительно сознанію. „Пусть,—воскликнетъ матеріалистъ,—всѣ вещи не таковы, какими онѣ являются въ нашемъ сознаніи, пусть нашъ разсудокъ необычайно мѣняетъ картину внѣшняго міра, но все же я утверждаю, что то, что вызываетъ въ нашемъ мозгу процессы сознанія и принадлежитъ внѣшнему міру, есть матерія и только матерія, хотя бы она и имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ тотъ, который она принимаетъ въ нашемъ сознаніи. Во внѣшнемъ мірѣ существуетъ лишь движеніе, но движеніе есть физическое свойство, присущее матеріи, и это движеніе, эта матеріальная причина,

вызываетъ психическіе процессы, которые есть ничто иное, какъ движеніе матеріи".

Вотъ, какъ соглашаетъ матеріалистъ свое ученіе съ идеализмомъ, правда съ идеализмомъ неполнымъ и непродуманнымъ до конца, такъ какъ онъ признаетъ движеніе, которое можетъ совершаться только во времени и въ пространствѣ, объективнымъ свойствомъ матеріи. Между тѣмъ, мы видѣли, что послѣдовательный анализъ приводитъ насъ къ отрицанію объективности даже и за этими свойствами матеріи. Но предоставимъ матеріализму закрывать глаза на эти явныя непослѣдовательности въ мышленіи и посмотримъ, насколько справедливо его положеніе даже при тѣхъ условіяхъ, что движеніе матеріи не зависитъ отъ нашего познаванія.

Если мы примемъ эту послѣднюю точку зрѣнія, то мы будемъ въ состояніи спорить съ матеріалистами и разбивать ихъ дальнѣйшіе выводы. Выводы же эти по большей части сводятся къ двумъ положеніямъ. По увѣреніямъ однихъ, физическія и химическія измѣненія вещества, однимъ словомъ, движенія матеріи, находятся въ *причинной* связи съ процессами сознанія. Эти послѣдніе являются не болѣе, какъ слѣдствіемъ чисто матеріальныхъ процессовъ въ нашихъ нервахъ и мозгу, обусловленныхъ молекулярными или какими-либо другими измѣненіями вещества. По увѣ-

ренію другихъ, *мысль и психическіе процеесы тоже самое, что движеніе.* На ихъ языкѣ эти два понятія совпадаютъ.

Необходимо остановиться на какой нибудь одной изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, одинаково неправильныхъ, но въ разной степени безсмысленныхъ. Мысль есть движеніе, психическіе процессы суть физическіе процессы—это положеніе вполнѣ безсмысленное, такъ какъ ни на чемъ не основано и завѣдомо противорѣчитъ истинѣ. Напротивъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что мысль совершенно не похожа на движеніе, и всякій психическій процессъ настолько не похожъ на какой бы то ни было матеріальный, что мы даже представить себѣ не можемъ, какъ одинъ процессъ можетъ вызывать другой, столь отъ него отличный. Сказать, что мысль—есть движеніе, все равно, что сказать, что теплота есть расширеніе, или, какъ очень остроумно замѣтилъ одинъ философъ, утверждать, что желѣзо, въ сущности говоря, не желѣзо, а дерево. Когда я говорю о чувствѣ страха, я подразумѣваю, именно, вполнѣ опредѣленное, извѣстное каждому, психическое состояніе, а вовсе не сокращеніе тѣхъ или другихъ мышцъ, не повышеніе кровяного давленія, не колебательныя движенія молекулъ мозга, не измѣненія въ сосудодвигательной системѣ, вообще не тѣ движенія матеріи, ко-

торыя сопровождаютъ это психическое состояніе или даже, быть можетъ, вызываютъ его, и о которыхъ я могу неимѣть ровно никакого понятія и въ то же время съ полнымъ знаніемъ говорить о чувствѣ страха.

Все наше сознаніе, вся наша мыслительная дѣятельность возмущается противъ такого отождествленія психической дѣятельности съ движеніемъ, потому что мы ясно сознаемъ и чувствуемъ, что наши мысли вполнѣ отличны отъ движенія и не имѣютъ съ нимъ рѣшительно ничего общаго, что наши чувства вовсе не похожи на тѣ колебательныя движенія молекулъ мозга и на тѣ химическія разложенія, которыми сопровождаются эти чувства. Это—явленія совершенно разныхъ порядковъ, и отождествленіе ихъ есть полное противорѣчіе наблюдаемымъ фактамъ и искаженіе дѣйствительности. Нѣтъ, мысль—вовсе не есть движеніе и чувство вовсе не есть химическія реакціи въ веществѣ мозга. Чувство сладости вовсе не то же самое, что движенія въ окончаніяхъ вкусовыхъ нервовъ и соотвѣтствующія измѣненія въ нервномъ веществѣ. Печаль и радость отнюдь не тождественны съ движеніями въ сосудодвигательной системѣ. Движеніе, есть движеніе и ничего болѣе. Точно также, какъ радость—есть радость. Печаль есть печаль. Мысль есть мысль.

Гораздо серьезнѣе то положеніе матеріализма, которое разсматриваетъ психическія явленія, какъ дѣйствія, обусловленныя движеніемъ матеріи. Съ этимъ положеніемъ только и приходится считаться, и его критика и приведетъ насъ къ теоріи параллелизма или психофизическаго монизма.

Посмотримъ, въ какомъ же видѣ должна представляться дѣйствительность и ходъ психическихъ процессовъ матеріалисту, утверждающему, что они (эти процессы)—суть слѣдствія физическихъ процессовъ. Прежде всего вникнемъ глубже въ то, что надо понимать подъ причиной и слѣдствіемъ въ мірѣ физическихъ, химическихъ и другихъ матеріальныхъ явленій. Нѣтъ сомнѣнія, что, говоря о причинахъ и слѣдствіяхъ, матеріалисты придаютъ имъ, именно, то значеніе, которое присвоено этимъ понятіямъ и въ мірѣ матеріи. Если мы говоримъ, что причина свѣченія проволоки въ лампочкѣ накаливанія есть теплота, а причина этой послѣдней электрическій токъ, развиваемый динамомашиной, то мы подразумѣваемъ подъ этимъ сдѣдующую, вполнѣ опредѣленную картину: въ извѣстный моментъ времени электрическая энергія, *какъ таковая, уничтожается,* и переходитъ въ тепловую, которая опять таки черезъ извѣстный промежутокъ времени перестаетъ существовать, а на ея мѣсто выступаетъ свѣтовая энергія, въ ко-

торую она преобразилась. Во всѣхъ матеріальныхъ процессахъ этотъ общій законъ неизбѣженъ: слѣдствіе наступаетъ послѣ того, какъ причина перестала существовать. Очевидно, что этотъ же самый законъ, вытекающій изъ понятія о причинахъ и слѣдствіяхъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ присущъ явленіямъ матеріальнаго порядка, имѣетъ мѣсто и въ цѣпи физическихъ и психическихъ процессовъ, какъ скоро мы допустили, что одни суть слѣдствія другихъ. При этомъ, послѣдовательность во времени двухъ какихъ-нибудь явленій не есть еще само по себѣ качество, достаточное для того, чтобы предположить между ними наличность причинной зависимости. Мы знаемъ очень много процессовъ въ физической природѣ всегда неизмѣнно повторяющихся въ одномъ и томъ же порядкѣ, но намъ и въ голову не приходитъ устанавливать между ними причинную связь. Заря всегда предшествуетъ появленію солнца, но мы ни въ какомъ случаѣ не выводимъ отсюда заключенія, что эта заря есть причина появленія дневного свѣтила. Точно также мы не станемъ утверждать, что вечерняя заря, есть слѣдствіе захода солнца за горизонтъ, хотя послѣ одного явленія неизмѣнно слѣдуетъ другое. Для установленія причинной зависимости между двумя процессами недостаточно повторной и неизмѣнной послѣдовательности

во времени: для этого необходима еще наличность полнаго уничтоженія причины, энергія которой переходитъ въ энергію слѣдствія. Таковъ истинный смыслъ закона причинности въ мірѣ физическихъ явленій. Если шаръ движется съ извѣстной скоростью по плоскости и встрѣчаетъ на своемъ пути другой, подобный ему шаръ, онъ останавливается, и энергія движенія перваго тотчасъ передается цѣликомъ второму, который продолжаетъ двигаться по плоскости съ прежней скоростью, тогда какъ первый останавливается. Здѣсь второй шаръ начинаетъ двигаться подъ вліяніемъ энергіи, полученной черезъ соприкосновеніе отъ перваго шара, и мы безъ колебаній говоримъ, что причина движенія второго шара есть живая сила перваго. Между тѣмъ, если бы мы руководились только послѣдовательностью явленій во времени, то мы съ такимъ же правомъ могли бы установить причинную связь и между другими любыми явленіями, сопровождающими вышеупомянутый процессъ удара шаровъ, лишь бы они слѣдовали другъ за другомъ во времени. Такъ мы могли бы сказать, что причина движенія второго шара есть остановка перваго, что было бы, очевидно, совершенно нелѣпо.

Если этотъ законъ причинности имѣетъ мѣсто и въ сферѣ психическихъ процессовъ, то все сказанное, очевидно, примѣнимо и къ

этому случаю. Если какой-нибудь психическій процессъ является слѣдствіемъ физическаго процесса, то это значитъ, что въ извѣстный моментъ физическій процессъ прерывается и на его мѣсто выступаетъ психическій, то-есть энергія физическая переходитъ въ новый неизвѣстный пока намъ видъ энергіи, *энергію психическую* *). Однако, для матеріалиста подобное допущеніе было бы равносильно смертному приговору всей его теоріи. Допустить, что энергія физическая можетъ преобразоваться въ какой-то видъ энергіи не физической, въ энергію мышленія—это все равно, что допустить уничтоженіе энергіи. Точно такъ же, какъ и обратно: признать, что энергія мышленія можетъ преобразоваться въ энергію физическаго порядка—это будетъ равносильно признанію возникновенія энергіи изъ ничего. Разъ мысль, чистая мысль способна привести въ движеніе ничтожную молекулу сѣраго вещества мозга, она съ такимъ же успѣхомъ можетъ двигать горами и останавливать движеніе планетъ. Границъ здѣсь не можетъ быть никакихъ.

Разумѣется, ни одинъ матеріалистъ не со-

*) Существованіе особаго вида энергіи, энергіи психической, признается нѣкоторыми послѣдовательными матеріалистами. Такъ, напримѣръ, *Оствальдъ* въ своей натуральной философіи дрвольно много распространяется объ этомъ видѣ энергіи.

гласится съ такими послѣдствіями (вполнѣ неизбѣжными), къ которымъ приводитъ его же собственная теорія. Онъ станетъ утверждать и будетъ вполнѣ правъ, что физическая энергія не можетъ уничтожиться и не можетъ создаться изъ ничего, т. е. иными словами, что *физическіе процессы могутъ вызываться только физическими же процессами, а психическіе только психическими.* Какъ тѣ, такъ и другіе образуютъ собою отдѣльную замкнутую цѣпь, въ которой каждый отдѣльный членъ имѣетъ свою причину и свое слѣдствіе, однороднаго съ ними порядка.

Если мы имѣемъ цѣпь смѣшанныхъ процессовъ: физическихъ и психическихъ, то по теоріи матеріалиста, анализируя эту цѣпь, мы должны были бы наткнуться на слѣдующее: въ извѣстномъ мѣстѣ цѣпь физическихъ причинъ и слѣдствій прерывается, и въ нее вступаютъ, какъ слѣдствія физическихъ, психическіе процессы; эти психическіе процессы образуютъ въ свою очередь цѣпь причинъ и слѣдствій, которая опять такъ прерывается въ извѣстномъ мѣстѣ и снова уступаетъ мѣсто физическимъ процессамъ. Если, слѣдовательно, мы будемъ разсматривать эту цѣпь, имѣя въ виду исключительно одни физическіе процессы, то мы замѣтимъ, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ своихъ причинъ, а нѣкоторые остаются безъ послѣдствій. Однимъ словомъ, мы замѣтимъ, что въ

цѣпи физическихъ процессовъ будутъ пробѣлы, пустыя мѣста, что одни процессы какъ бы будутъ совершенно куда-то изчезать, а другіе будутъ рождаться безъ всякихъ осязательныхъ, физическихъ причинъ, изъ ничего. Если мы обратимся къ міру дѣйствительности, а не теорій, то мы убѣдимся, что, на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не происходитъ, что у всякаго физическаго процесса есть неизмѣнно своя физическая причина, и ни одинъ физическій процессъ не изчезаетъ безслѣдно безъ физическихъ же слѣдствій. Законъ сохраненія энергіи выражаетъ, именно, это свойство міра матеріи. Крестьянинъ слышитъ громъ, снимаетъ шапку и крестится. Съ точки зрѣнія матеріалиста, цѣпь процессовъ составляется здѣсь такимъ образомъ: звуковыя волны, чисто физическая причина, вызвали колебанія барабанной перепонки въ ухѣ крестьянина; эти колебанія въ свою очередь послужили причиной соотвѣтственныхъ физическихъ измѣненій въ веществѣ нервовъ и разложеній въ клѣточкахъ мозга. На этомъ мѣстѣ физическій процессъ оборвался, и движеніе клѣточекъ мозга превратилось въ психическій актъ, въ представленіе о громѣ. Это представленіе вызвало слѣдующій членъ психическихъ процессовъ: волевой импульсъ, побуждающій креститься. Этотъ волевой импульсъ сталъ причиной физическаго процесса: физическихъ из-

мѣненій въ соотвѣтственныхъ участкахъ мозга и иннерваціи соотвѣтственныхъ нервовъ, слѣдствіемъ которыхъ явился послѣдній членъ въ цѣпи, которую мы прослѣдили: движеніе руки крестьянина. Здѣсь цѣпь физическихъ процессовъ разрывается и въ нее вступаютъ процессы иного порядка, психическіе.

Однако, современная физіологія совершенно опровергаетъ подобное построеніе цѣпи процессовъ, изъ которыхъ слагается вышеприведенный примѣръ. Она учитъ, что физическіе процессы нигдѣ не прерываются и не образуютъ ни малѣйшаго пробѣла, въ который можно было бы вставить какой-нибудь психическій процессъ. Отъ начала до конца физическіе процессы составляютъ одну замкнутую цѣпь, гдѣ каждый процесъ имѣетъ свою причину и свое слѣдствіе *одного и того же порядка*. Физическое дѣйствіе звуковыхъ волнъ на перепонку возбудило опредѣленный физическій процессъ въ слуховыхъ нервахъ. Этотъ послѣдній распространился въ мозгъ и вызвалъ въ немъ опредѣленныя физическія явленія, которыя сдѣлались причиной иннерваціи соотвѣтственныхъ группъ двигательныхъ нервовъ. Въ результатѣ этихъ физическихъ процессовъ, составляющихъ цѣпь безъ малѣйшихъ пробѣловъ, явилось движеніе руки крестьянина.

Рядомъ съ этими физическими процессами, протекли также процессы психическіе: пред-

ставленіе въ умѣ крестьянина о громѣ, воспоминаніе о Богѣ, или просто о пріобрѣтенной привычкѣ, наконецъ, мускольное ощущеніе, которымъ сопровождается всякое сокращеніе мускуловъ, въ данномъ случаѣ вызываемое движеніемъ руки. Физіологіи нѣтъ дѣла до этихъ процессовъ, такъ какъони не входятъ въ причинную цѣпь физическихъ процессовъ, съ которыми она имѣетъ дѣло. Но философія должна констатировать, что опредѣленному замкнутому циклу физическихъ причинъ и слѣдствій соотвѣтствуетъ такой же замкнутый циклъ психическихъ причинъ и слѣдствій. Эти два цикла идутъ параллельно, никогда не смѣшиваясь, и такимъ образомъ, что каждому процессу физическому непремѣнно соотвѣтствуетъ свой процессъ психическій и наоборотъ.

Въ такомъ толкованіи зависимости между духомъ и матеріей, между физическими и психическими процессами, между протяженной и мыслящей субстанціей и заключается смыслъ монистическаго параллелизма, впервые провозглашеннаго, какъ ученіе, Спинозой.

Онъ приводитъ эту зависимость къ тождеству. Тѣло и душа суть двѣ стороны одной и той же, недоступной нашему сознанію, единой субстанціи. Явленія движенія и явленія сознанія въ сущности лишь двѣ стороны одного и того же непостижимаго для насъ процесса, который, весьма возможно, имѣетъ еще и другія

стороны, вовсе ускользающія отъ нашего ограниченнаго познаванія. Разсматриваемый извнѣ этотъ процессъ является намъ въ видѣ тѣлеснаго міра (sub attributo extensionis), разсматриваемый извнутри, онъ является въ видѣ міра сознанія (sub attributo cogitationis). Это отношеніе проходитъ черезъ весь дѣйствительный міръ и объемлетъ всѣ рѣшительно процессы, совершающіеся въ немъ. Эта истинная дѣйствительность раскрываетъ намъ свое содержаніе въ видѣ міра психическихъ и физическихъ явленій, между которыми не существуетъ взаимодѣйствія, но существуетъ параллелизмъ: всякое состояніе или явленіе протекаетъ одновременно въ обоихъ мірахъ: физическомъ и психическомъ. Въ зависимости отъ того, какая сторона истиннаго процесса доступна нашему наблюденію, мы относимъ ее къ міру физическихъ или психическихъ явленій. На самомъ дѣлѣ эти два рода явленій неизбѣжно сопровождаютъ другъ друга. То, что является въ мірѣ матеріи какъ движеніе, то самое въ мірѣ сознанія является какъ представленіе или ощущеніе. Эти два рода явленій протекаютъ рядомъ, но независимо другъ отъ друга. Каждый изъ этихъ двухъ міровъ: физическій и психическій образуетъ замкнутую въ себѣ причинную цѣпь, ни одно звено которой не можетъ быть удалено и замѣнено явленіемъ какого-либо другого порядка. Нѣтъ

рѣшительно ни одного явленія сознанія, которому не соотвѣтствовалъ бы какой-нибудь физическій процессъ и, наоборотъ, нѣтъ ни одного физическаго процесса, ни одной формы движенія матеріи, которому не отвѣчало бы какое-нибудь явленіе сознанія. Всѣ процессы дѣйствительности, истинной дѣйствительности, являются нашему сознанію въ раздвоенномъ видѣ, а, слѣдовательно, всѣ вещи—одушевлены хотя, конечно, въ различной степени: omnia quamvis diversis gradibus animata.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Психическіе процессы въ животномъ мірѣ недоступны нашему непосредственному опыту.—Признавая ихъ существованіе, мы довѣряемся аналогіи.—Границы одушевленія.—Отсутствіе границъ между животнымъ, растительнымъ и минеральнымъ царствами.—Необходимость присутствія въ растительномъ царствѣ духовныхъ процессовъ.—Отсутствіе уловимой разницы между органической и неорганической матеріей.—Необходимость одухотворенности неорганической матеріи.—Атомическая душа.—Генезисъ духовной дѣятельности.—Возраженія дуализма.—Индивидуальность души съ точки зрѣнія универсальнаго параллелизма.

Посмотримъ, насколько безпристрастное созерцаніе дѣйствительности, одно лишь созерцаніе, ибо о научномъ методѣ или какихъ-либо метафизическихъ доказательствахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, подтверждаетъ выводъ, къ которому мы пришли въ предыдущей главѣ, о всеобщемъ одушевленіи природы. На первый взглядъ онъ кажется пугливому человѣческому разсудку совершенно невѣроятнымъ и даже нелѣпымъ. Развѣ можно повѣрить, что камень способенъ что-нибудь ощущать, развѣ возможно серіозно говорить о какихъ-нибудь психическихъ процессахъ, сопровождающихъ парообразованіе или кипѣніе? Кто дойдетъ до такого безразсудства, чтобы предположить, что желѣзо, расплющиваясь

подъ тяжелыми ударами парового молота, одновременно переживаетъ какой-нибудь, хотя бы самый элементарный, духовный процессъ? Однако, какъ ни кажутся ясными отвѣты на эти вопросы, тщательный анализъ дѣйствительности указываетъ намъ, что въ такихъ предположеніяхъ нѣтъ не только ничего невѣроятнаго, но даже болѣе, что обратное допущеніе не имѣло бы подъ собой никакой логической и эмпирической почвы, и было бы, такимъ образомъ, совершенно произвольнымъ. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь доказать, что приписывать духовную дѣятельность исключительно животному царству мы не имѣемъ никакого основанія; что разъ мы признаемъ наличность психическихъ процессовъ въ своемъ собственномъ сознаніи, мы логически должны будемъ признать, что и всякому физическому процессу соотвѣтствуетъ свой психическій, совершенно безразлично къ тому, гдѣ онъ совершается: въ мозговыхъ ли молекулахъ Ньютона, въ хвостѣ ли головастика, или въ частицѣ водорода, свѣтящейся въ вольтовой дугѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что помимо міра матеріальнаго существуетъ еще и міръ духовный, міръ представленій и сознанія? Единственно лишь тѣ психическіе процессы, которые происходятъ въ каждомъ изъ насъ, и изъ ко-

торыхъ составляется наше внутреннее *я*. То, что находится внѣ этого *я*, является намъ лишь въ видѣ процессовъ физическихъ, въ видѣ разнообразныхъ движеній модифицированной матеріи. Если мы говоримъ о психическихъ процессахъ, происходящихъ въ сознаніи другихъ людей и другихъ существъ, то вовсе не потому, что мы убѣдились въ ихъ существованіи путемъ непосредственнаго наблюденія, а только лишь при помощи заключеній *по аналогіи*. Мы наблюдаемъ въ себѣ извѣстные процессы сознанія, которые сопровождаютъ тѣ или другія физическія явленія въ нашемъ организмѣ. Наблюдая такія же физическія явленія въ другихъ существахъ, мы дѣлаемъ заключеніе, что они переживаютъ въ это время и соотвѣтственные псчихическіе процессы, подобные тѣмъ, которые мы наблюдаемъ въ насъ самихъ. Непосредственно убѣдиться въ наличности этихъ процессовъ мы не имѣемъ рѣшительно никакой возможности и пріобрѣтаемъ увѣренность въ ихъ существованіи исключительно по аналогіи. Я слышу громъ, переживаю соотвѣтственный психическій процессъ. Одновременно съ этимъ я вижу, какъ стоящій около меня крестьянинъ поднимаетъ руку и крестится, а собака, лежавшая до тѣхъ поръ спокойно у его ногъ, вздрагиваетъ и испуганно оглядывается. Я вижу только физическія явленія, я наблюдаю

только одну сторону дѣйствительныхъ процессовъ, происходящихъ въ крестьянинѣ и его собакѣ, но въ виду того, что я въ самомъ себѣ могу наблюдать обѣ стороны этого процесса: и физическую и психическую, я дѣлаю заключеніе *по аналогіи*, что и у крестьянина, и у его собаки параллельно съ физическими процессами, доступными моему непосредственному наблюденію, протекаютъ процессы сознанія, подобные тѣмъ, которые протекаютъ во мнѣ самомъ, но знать о которыхъ я никоимъ образомъ не могу. Точно также радостное щебетаніе птицъ при восходѣ солнца, карканье вороны, ревъ леопардовъ и тигровъ, стрекотаніе кузнечика, жужжаніе пчелъ—все это служитъ намъ указаніемъ на внутренніе, недоступные нашему познаванію психическіе процессы, которыми сопровождаются у животныхъ эти физическія явленія. Никто, я полагаю, теперь уже не сомнѣвается, что животныя способны ощущать и даже имѣть представленія, что въ нихъ, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ дѣло съ двумя сторонами одного процесса, что въ нихъ дѣйствительность проявляется точно такъ же, какъ и въ насъ самихъ, въ двухъ видахъ: sub attributo extensionis и sub attributo cogitationis, неадэкватныхъ единому истинному процессу. Однако, не такъ далеко еще то время, когда эти столь очевидныя истины не были доступны даже вы-

дающимся философамъ, полагавшимъ, что животныя, именно, тѣмъ и отличаются отъ человѣка, что не обладаютъ чувствительностью. Такъ разсказываютъ, что у Декарта были двѣ любимыя собаки, которыхъ онъ часто истязалъ ради забавы, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что ихъ лай и громкій визгъ не сопровождается никакими ощущеніями боли и страданія *). Если даже это и выдумка, что весьма вѣроятно, все же она очень интересна, какъ свидѣтельство силы инерціи многихъ вѣковыхъ предразсудковъ.

Здѣсь мы подходимъ къ чрезвычайно интересному вопросу: о границахъ одушевленія. До какихъ поръ мы будемъ допускать въ животномъ царствѣ существованіе души, которая, конечно, можетъ выражаться въ самыхъ элементарныхъ процессахъ ощущенія и воспріятія. Поставимъ ли мы эту границу между четвероногими и пресмыкающимися, или между насѣкомыми и микроорганизмами, или между птицами и рыбами? Намъ понятно, что всякая такая граница, если бы мы ее поставили, не оправдывалась бы никакими соображеніями и была бы совершенно произвольна. Природа не дѣлаетъ скачковъ, а переходитъ отъ самыхъ совершенныхъ организмовъ къ самымъ простымъ видамъ вполнѣ незамѣтно и нечувстви-

*) Страховъ. Міръ какъ цѣлое. стр. 63.

тельно. Если мы допускаемъ наличность духовной дѣятельности у обезьянъ и кроликовъ, то должны ее допустить у пѣтуховъ и страусовъ, и у змѣй, и у червяковъ, и у мухъ, и у блохъ, и у микроорганизмовъ, и у медузъ, и у другихъ самыхъ элементарныхъ животныхъ. А растенія? Но современная біологія учитъ насъ, что границы между животнымъ и растительнымъ царствомъ провести нельзя; что одно переходитъ въ другое столь незамѣтно и столь многообразно, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предположить, чтобы такая граница существовала бы въ дѣйствительности. Растенія суть тѣ же животныя, лишенныя лишь нѣкоторыхъ признаковъ. Такъ называемые *протисты*, стоящіе на границѣ обоихъ царствъ, представляютъ разительное доказательство условности подраздѣленія на растеній и животныхъ. Такимъ образомъ, если только мы допустимъ, что психическіе процессы имѣютъ мѣсто въ низшихъ животныхъ организмахъ, мы должны будемъ признать ихъ и въ высшихъ представителяхъ растительнаго царства. Спускаясь дальше, мы дойдемъ до границы растительнаго и минеральнаго царствъ, и убѣдимся, что и эта граница столь же призрачна и неустойчива, какъ и граница, отдѣляющая животное царство отъ растительнаго. И здѣсь, допустивъ наличность психическихъ процессовъ въ самыхъ низшихъ

растеніяхъ, мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго основанія отказать въ существованіи духовной дѣятельности и высшимъ представителямъ минеральнаго царства. Спускаясь ниже, мы дойдемъ до химическихъ элементовъ матеріи, простыхъ тѣлъ, и должны будемъ признать, что и имъ соотвѣтствуютъ столь же простыя и элементарныя психическія явленія. Какъ физическіе процессы разнятся по своей сложности, начинаясь отъ элементарнѣйшихъ молекулярныхъ движеній и кончаясь тѣми сложнѣйшими и разнообразнѣйшими явленіями, которыми сопровождается психическая дѣятельность человѣка и высшихъ представителей животнаго царства, такъ и психическіе процессы должны быть безконечно разнообразны, начиная отъ самыхъ элементарныхъ чувствованій и ощущеній и восходя къ самымъ высшимъ представленіямъ и сужденіямъ, изъ которыхъ слагается психическая дѣятельность человѣческаго разсудка. Какъ физическія организаціи начинаютъ свой рядъ молекулами, состоящими изъ нѣсколькихъ атомовъ, и простыми клѣтками и замыкаютъ его такой сложной машиной, какъ человѣкъ, такъ и психическія организаціи, соотвѣтствующія имъ и представляющія изъ себя лишь другую сторону дѣйствительныхъ организацій, недоступныхъ нашему познанію, начинаются психическими молекулами и клѣтками и кончаются человѣ-

ческой душой. Приведенной въ систему группѣ физическихъ элементовъ соотвѣтствуетъ такая же система психическихъ элементовъ, и всякій процессъ совершается въ обѣихъ системахъ одновременно.

Этотъ выводъ, къ которому неизбѣжно приводитъ насъ развитіе параллелистическаго міровоззрѣнія, пугаетъ своей кажущейся парадоксальностью точно такъ же, какъ Галилей въ свое время, да и долго спустя, пугалъ своимъ утвержденіемъ, что земля, эта неподвижная и устойчивая громадная масса, вертится въ міровомъ пространствѣ подобно волчку, пущенному рукой ребенка. Человѣческій разсудокъ слишкомъ консервативенъ и пристрастенъ къ тѣмъ формуламъ, которые почему либо сдѣлались его руководящими принципами. Признать, что вся матерія одушевлена, что каждому растенію, каждой травкѣ, мало того, каждому камню, каждой пылинкѣ присуща нѣкоторая элементарная душа, что психическая дѣятельность не составляетъ нашей человѣческой и животной монополіи—это равносильно для насъ отреченью отъ этихъ руководящихъ принциповъ, которые всегда опирались на рѣзкое разграниченіе одушевленной и неодушевленной матеріи. Если мы допускали существованіе души и наличность элементарныхъ психическихъ процессовъ у животныхъ, то, конечно, мысль о душѣ рас-

теній или о способности ихъ что-нибудь чувствовать встрѣчалась нами, какъ нелѣпая мечта, какъ дѣтская сказка, недостойная какого бы то ни было серіознаго, научнаго обсужденія. Но какія же основанія были у насъ такъ категорически ставить свой приговоръ? Что давало намъ право отрицать за растеніями способность къ нѣкоторой внутренней жизни? Говорятъ, у растеній нѣтъ мозга, нѣтъ нервной системы; но развѣ доказано и установлено, что для возможности психическихъ процессовъ необходимъ мозгъ и нервы? Развѣ установлено, что мозгъ и нервы единственные носители процессовъ сознанія. Вѣдь, въ такомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательными, намъ необходимо признать, что и нѣкоторыя животныя тоже не имѣютъ внутренней жизни, въ виду того, что состоятъ изъ одного кишечника и не имѣютъ ни мозга, ни нервной системы. Но мы пришли уже къ тому заключенію что животные, по крайней мѣрѣ, подобно намъ являются носителями психической дѣятельности. Да и вообще, утвержденіе, что безъ мозга и нервовъ невозможна никакая психическая дѣятельность только потому, что непосредственно извѣстные и наблюдаемые нами случаи ея проявленія имѣютъ мѣсто въ *нашемъ* мозгу и обусловлены присутствіемъ *нашей* нервной системы, никоимъ образомъ не можетъ быть признано логичнымъ и убѣ-

дительнымъ. Оно настолько же убѣдительно насколько было бы убѣдительно утвержденіе, что организмы, не имѣющіе рта для принятія пищи, не могутъ питаться на томъ основаніи, что животное снабжено для этой цѣли ртомъ. Однако, мы видимъ что нѣкоторыя животныя и громадное число представителей растительнаго царства питаются и живутъ будучи совершенно лишенными этого органа, который замѣняется у нихъ поверхностью листовъ и волосками корней. Поэтому весьма возможно и вполнѣ допустимо, что растенія живутъ своею внутреннею жизнью, не имѣя вовсе надобности прибѣгать для этой цѣли къ помощи мозга и нервной системы. Однако, возможность не есть еще положительное доказательство. Возможно, что это такъ. Но вѣдь одинаково возможно и обратное. Разумѣется; но намъ кажется, что факты свидѣтельствуютъ о томъ, что возможность въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже, что о внутренней жизни во всѣхъ другихъ организмахъ мы можемъ дѣлать заключенія только *по аналогіи*; никакихъ прямыхъ, положительныхъ доказательствъ такихъ процессовъ мы не имѣемъ. Иными словами, здѣсь дѣло тоже какъ будто идетъ о *возможности*, которая вслѣдствіе нашей непоколебимой увѣренности въ справедливости дѣлаемой аналогіи, пріоб-

рѣтаетъ въ нашихъ глазахъ характеръ подлиннаго факта. Не то же ли самое мы встрѣчаемъ и здѣсь, въ вопросѣ о психической дѣятельности растеній? Развѣ въ растеніяхъ мы не замѣчаемъ тѣхъ же самыхъ физическихъ процессовъ, которые мы наблюдаемъ и въ животныхъ? Развѣ ихъ физическая организація, развѣ ихъ жизнь ужъ такъ рѣзко отличаются отъ организаціи и жизни животныхъ? Такъ же, какъ и животныя, растенія питаются и размножаются посредствомъ зародышей, отдѣляющихся отъ организма родителей; подобно имъ, они построены изъ элементарныхъ образованій, клѣтокъ. Рожденіе, развитіе и смерть одинаково наблюдаются, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ и сопровождаются очень сходными физическими явленіями. Почему же, наблюдая эти явленія въ животномъ царствѣ, мы дѣлаемъ по аналогіи заключенія о сопровождающихъ ихъ внутреннихъ явленіяхъ сознанія, а, наблюдая явленія того же самаго порядка въ мірѣ растеній, считаемъ, что имъ не отвѣчаютъ никакіе психическіе процессы, никакая внутренняя жизнь? Гдѣ основаніе для такого, вполнѣ произвольнаго предположенія? Неужели только въ томъ, чтобы не поступиться опредѣленностью понятія *души*. Но всякій пойметъ, что съ этимъ основаніемъ можно было бы считаться лишь въ томъ случаѣ,

если бы дѣло шло о томъ, чтобы во что бы то ни стало спасти понятіе души. Мы же должны быть озабочены только однимъ желаніемъ найти истину совершенно безотносительно къ тому, какъ отзовется это на тѣхъ или другихъ понятіяхъ.

Противъ возможности одушевленія растеній приводятъ еще то, что растенія не могутъ перемѣщаться съ мѣста на мѣсто и, вообще, совершать произвольныя движенія, подобно животнымъ. Но неужели мы можемъ утверждать, что для внутренней жизни непремѣнно необходимо обладать способностью мѣнять мѣсто? И развѣ, если бы человѣкъ оказался пригвожденнымъ къ одному мѣсту, онъ лишился бы вслѣдствіе этого способности мыслить и разсуждать? И неужели улитка или какой-нибудь слизнякъ кажутся намъ болѣе подходящими носителями внутренней жизни, чѣмъ прекрасная пальма или роза, только потому, что они могутъ передвигаться по желанію съ мѣста на мѣсто, а растенія лишены этой возможности? Наконецъ, отрицаніе за растеніями способности къ самопроизвольному движенію—прямо-таки невѣрно.

Растеніе обращаетъ цвѣты и листья къ солнцу, оно направляетъ свои корни въ ту сторону, гдѣ оно встрѣчаетъ наиболѣе питательную почву, оно цѣпляется стеблями за опоры, оно свертываетъ свои листья при

наступленіи непогоды или темноты, или при прикосновеніи, и распускаетъ ихъ при появленіи солнца. Почему же этимъ физическимъ явленіямъ не соотвѣтствуетъ психическихъ процессовъ, разъ въ мірѣ животныхъ мы считаемъ это за непреложный фактъ. Быть можетъ, возразятъ, что у растеній всѣ указанныя движенія непроизвольны, а вызваны извѣстными причинами, какъ механическія реакціи на извѣстныя физическія воздѣйствія. Но, вѣдь, и у животныхъ всѣ движенія въ этомъ смыслѣ тоже непроизвольны, такъ какъ мы пришли уже къ заключенію, что физическія явленія образуютъ замкнутую причинную цѣпь, въ которую нигдѣ не вступаетъ ни одного члена другого порядка. Слѣдовательно, анализируя какое-либо движеніе животнаго, мы точно также будемъ имѣть дѣло только съ физическими причинами и реакціями на нихъ. Но только почему-то мы признаемъ, что у животныхъ параллельно этимъ физическимъ явленіямъ протекаютъ процессы сознанія, а у растеній дѣло органичивается лишь одними этими физическими явленіями, которымъ соотвѣтствуетъ лишь какая-то странная пустота. Разумѣется, мы вовсе не хотимъ сказать, что между животными и растеніями нѣтъ никакихъ различій: различія между ними громадны, и этими различіями обусловливается и вѣроятное различіе ихъ

психическихъ отправленій; но мы подчеркиваемъ лишь тотъ фактъ, что различія эти никоимъ образомъ не касаются тѣхъ признаковъ, которые позволяютъ намъ предполагать наличность психическихъ процессовъ.

Отвергать за деревомъ или цвѣткомъ способность чувствовать мы имѣемъ ничуть не больше основаній, чѣмъ отвергать ее за бабочкой или какой-нибудь личинкой, судить о внутренней жизни которыхъ мы имѣемъ такъ же мало данныхъ, какъ и о внутренней жизни растеній. Конечно, всѣ животныя одушевлены, а, слѣдовательно, и всѣ растенія одушевлены, разумѣется, въ различной степени, соотвѣтственно сложности и дифференціаціи своихъ физическихъ организацій.

Но разъ принявши эту точку зрѣнія, возможно ли остановиться на растеніяхъ, возможно ли поставить границу одушевленія между растительнымъ и минеральнымъ царствами? Мы видѣли уже, что противъ такого произвольнаго предположенія особенно краснорѣчиво говоритъ невозможность установить, вообще, границу между міромъ органической и неорганической матеріи. Одинъ переходитъ въ другой совершенно незамѣтно, вполнѣ нечувствительно, мало-по-малу теряя одинъ за органической матеріи, и пріобрѣтая взамѣнъ ихъ признаки неорганической. Но съ которымъ изъ этихъ призна-

ковъ связана психическая дѣятельность, мы не знаемъ, а потому и не можемъ судить, въ какомъ же, именно, мѣстѣ, на какой ступени организованной или неорганизованной матеріи послѣдняя теряетъ сопутствующіе ей психическіе процессы и начинаетъ намъ являть лишь одну сторону подлинной дѣйствительности.

Въ организованную матерію входятъ составными частями тѣ же химическіе первоэлементы, что и въ неорганизованную. Какъ та, такъ и другая, въ концѣ концовъ, оказывается состоящею изъ молекулъ кислорода, водорода, азота, углерода и прочихъ, наиболѣе распространенныхъ въ природѣ элементовъ. Повсюду въ природѣ происходитъ постоянный кругооборотъ этихъ первоначальныхъ элементовъ, непрестанный обмѣнъ веществъ. На протяженіи нѣсколькихъ недѣль все вещество животныхъ и растительныхъ организмовъ, благодаря этому кругообороту, почти полностью замѣняется новымъ, которое до тѣхъ поръ входило составной частью въ другіе организмы или неорганическія тѣла природы. Молекулы водорода и кислорода послѣдовательно становятся составными частями то организованной матеріи, то неорганизованной.

Въ такой же послѣдовательности они являются то носителями психическихъ процессовъ, то лишенными этихъ свойствъ. Но от-

куда же берутся эти свойства у матеріи, какъ скоро она вступаетъ въ качествѣ составной части въ организмы, если только сама по себѣ она оказывается лишенной духовнаго начала? Рождаются ли они изъ ничего? или они носятся гдѣ-нибудь въ пространствѣ, готовыя проявить себя тотчасъ же, какъ матерія организуется соотвѣтственнымъ образомъ? Не очевидно ли само по себѣ, что и атомы первоэлементовъ должны необходимо являться носителями духовной жизни столь же элементарной, какъ и ихъ физическая организація? Допустивъ это, не надо будетъ предполагать, что души людей и животныхъ творятся изъ ничего и что онѣ какимъ-то непостижимымъ и невѣдомымъ образомъ вселяются въ матерію, именно, въ тотъ моментъ, когда ея слѣпые и лишенные духовнаго начала атомы случайно образовали собою подходящее для нихъ убѣжище. Намъ станетъ тогда совершенно яснымъ и то, откуда является душа у новорожденнаго. Вопросъ надъ которымъ столько ломали себѣ головы и философы, и богословы, и натуралисты, въ какой, именно, стадіи развитія плода въ него вселяется душа, вопросъ, который приводилъ всегда въ полное замѣшательство сторонниковъ наивнаго дуализма, теперь при условіи признанія нами универсальнаго психофизическаго параллелизма, покажется намъ празднымъ и не вызоветъ ни-

чего, кромѣ улыбки. Для насъ будетъ очевиднымъ тогда, что душа не есть нѣчто готовое, которое приходитъ и уходитъ, когда ему заблагоразсудится, точно такъ же, какъ и всякій организмъ не представляетъ изъ себя неподвижной, организованной матеріи. Какъ развитіе физической организаціи живого существа начинается съ зародыша, такъ и развитіе душевной жизни, развитіе того, что мы привыкли называть душой, начинается съ эмбріональныхъ, элементарныхъ духовныхъ отправленій. Поскольку физическая организація эволюціонируетъ въ своемъ развитіи, постольку и душа этой физической организаціи прогрессируетъ въ сложности своихъ отправленій. Зародышу соотвѣтствуетъ и зародышевая душа, точно такъ же, какъ ребенку соотвѣтствуетъ душа ребенка, а взрослому душа взрослаго. И всѣ эти души настолько же разнятся одна отъ другой, насколько физически разнятся зародышъ отъ ребенка и этотъ послѣдній отъ зрѣлаго человѣка.

Весь видимый нами міръ, вся природа, во всемъ безконечномъ ея разнообразіи, во всемъ подавляющемъ величіи, является носительницей духовныхъ процессовъ, которые столь же всеобщи и столь же мало случайны, какъ и процессы физическіе. Они различествуютъ между собою лишь въ отношеніи своей сложности. На нижнихъ ступеняхъ они элемен-

тарны, какъ элементарны соотвѣтствующіе имъ атомы матеріи, а на верхнихъ ступеняхъ, соединяясь въ обширныя и сложныя организаціи, какъ соединяется и матерія въ соотвѣтственныя физическія организаціи, они даютъ начало тѣмъ сочетаніямъ, съ дивною дѣятельностью которыхъ мы знакомы по самимъ себѣ.

Въ атомическомъ духовномъ, невѣдомомъ для насъ, но безспорно существующемъ процессѣ,— вотъ гдѣ надлежитъ искать генезисъ духовной дѣятельности живыхъ существъ. Изъ него родится и душа человѣка.

Хорошо, скажутъ сторонники дуализма, привыкшіе разсматривать душу, какъ нѣчто существующее совершенно отдѣльно отъ тѣла.— Пусть будетъ такъ. Пусть душа есть сложеніе элементарныхъ психическихъ процессовъ, подобно тому, какъ тѣло есть совокупность атомовъ матеріи. Но, вѣдь, въ тѣлѣ происходитъ постоянный кругооборотъ веществъ, и на протяженіи нѣсколькихъ недѣль ни одного прежняго атома матеріи не остается: они всѣ оказываются замѣненными новыми. Слѣдовательно, и соотвѣтствующіе имъ психическіе первоэлементы тоже замѣнены другими, новыми. А если это такъ, то и совокупность ихъ по своимъ свойствамъ будетъ отличаться отъ совокупности прежнихъ, т. к. необходимо цѣлое отражаетъ свойства своихъ составныхъ

частей. Слѣдовательно, согласно вашей теоріи душа должна была бы радикально измѣняться на протяженіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ недѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и сознаніе нашего *я* не могло бы простираться вглубь времени дальше этого срока.

Однако, на самомъ дѣлѣ, мы этого не видимъ. Душа сохраняетъ свою индивидуальность втеченіе всей жизни. Могутъ измѣняться взгляды, убѣжденія, привычки, но человѣкъ никогда не перестаетъ быть самимъ собой, и, когда старикъ вспоминаетъ себя въ дѣтствѣ, онъ ясно чувствуетъ, что та душа, которая принадлежала когда-то отроку, принадлежитъ теперь и ему. Что же поддерживаетъ это дивное единство душевной жизни, и какъ оно могло бы существовать, если бы души, какъ отдѣльной сущности, не существовало, и если бы эта душевная жизнь являлась лишь простымъ слѣдствіемъ многообразныхъ сочетаній элементарныхъ психическихъ процессовъ, постоянно мѣняющихся и подверженныхъ вѣчному кругообороту?

Вотъ что возразили бы сторонники дуализма и, признаюсь, что возраженіе это кажется мнѣ весьма серіознымъ. Серіознымъ не потому, что его было бы невозможно или трудно опровергнуть, а потому, что на этомъ пунктѣ сторонники той и другой теоріи перестаютъ понимать другъ друга и не приходятъ ни къ

какому заключенію. Между тѣмъ, нѣтъ ничего легче, какъ указать на несостоятельность этихъ возраженій, основанныхъ на ложномъ пониманіи того, что мы называемъ *элементарными психическими процессами.*

Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ матеріальные атомы абсолютно тождественны другъ съ другомъ, такъ и соотвѣтствующіе имъ элементарные, психическіе процессы ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Если одна физическая организація отличается отъ другой, то это не потому, что онѣ построены изъ разнаго матеріала, что первоэлементы *) которые входятъ въ ихъ составъ не абсолютно идентичны, а лишь въ силу того, что эти первоэлементы, сами по себѣ будучи *совершенно тождественны,* вошли въ эти организаціи *въ различныхъ сочетаніяхъ.*

„Жизнь, говоритъ Кювье, есть круговоротъ болѣе или менѣе сложный, направленіе ко-

*) Не слѣдуетъ думать, что здѣсь мы говоримъ объ атомахъ кислорода, водорода и прочихъ химическихъ элементовъ, разсматриваемыхъ современной наукой, какъ неразложимые. Подъ первоэлементами мы подразумѣваемъ тотъ простой видъ матеріи, первичной матеріи, изъ различныхъ сочетаній которой образовались уже атомы извѣстныхъ намъ химическихъ тѣлъ, а также и весь видимый нами міръ. Такимъ образомъ, по нашему представленію, кислородъ отличается отъ водорода не своимъ матеріаломъ, а лишь характеромъ его сочетаній.

тораго постоянно одно и тоже, и который увлекаетъ въ себѣ постоянно частицы того же рода; эти частицы безпрерывно входятъ въ круговоротъ и выходятъ изъ него, такъ что форма живыхъ тѣлъ для нихъ болѣе существенна, чѣмъ ихъ вещество". Не только *болѣе существенна*, скажемъ мы, но даже *единственно существенное*. Многообразіе тѣлъ,—это многообразіе сочетаній, а матеріалъ одинъ и тотъ же—недоступная пока еще нашему познанію первичная матерія.

Души по нашему опредѣленію представляютъ изъ себя *сочетаніе элементарныхъ психическихъ процессовъ*. Сами по себѣ эти элементарные психическіе процессы совершенно тождественны, но что дѣлаетъ души непохожими другъ на друга и такъ рѣзко отличающимися одна отъ другой, такъ это только разнообразіе сочетаній, которыя образуются этими духовными единицами. Не матеріалъ имѣетъ здѣсь значеніе, а форма сочетаній и комбинацій этого матеріала. Понятно теперь, что для того, чтобы души сохраняли свою индивидуальность необходимо только, чтобы само сочетаніе психическихъ первоэлементовъ оставалось безъ измѣненія, но вовсе нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы психическіе первоэлементы, тотъ матеріалъ, изъ котораго состоитъ это сочетаніе, постепенно не замѣнялись бы новыми. Очевидно, что при

постепенномъ обмѣнѣ веществъ, какой имѣетъ мѣсто въ животныхъ и растительныхъ организмахъ, нарушенія сочетаній первоэлементовъ не можетъ быть, а слѣдовательно не можетъ быть и нарушенія индивидуальности духа. Подобно тому, какъ ремонтируя зданіе, выполненное по мысли какого-нибудь знаменитаго художника или архитектора, мы послѣдовательно замѣняемъ отдѣльные кирпичи, изъ которыхъ оно построено, новыми, но оставляемъ внѣшій видъ зданія и замыселъ художника, воплотившійся въ немъ, безъ измѣненія, такъ и душа организма остается неизмѣнной, несмотря на то, что элементы, изъ которыхъ она составлена, подвержены непрестанному кругообороту.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Удовлетворительность психофизическаго монизма.—Духовные процессы въ неорганическомъ мірѣ.—Силы, проявляющіяся въ природѣ, представляютъ, повидимому, элементарные духовные процессы.—Всемірное тяготѣніе, какъ всеобщій элементарный духовный процессъ.—Связь идеализма съ психофизическимъ параллелизмомъ.—Психофизическое толкованіе ощущеній и воспріятій.

Гипотеза параллелистическаго монизма неизбѣжно приводитъ насъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи къ одушевленію неорганической матеріи. Въ этомъ развитіи не допущено ни малѣйшихъ уклоненій отъ требованій разума и логики, а основныя положенія лежатъ въ объективной оцѣнкѣ нашего собственнаго внутренняго міра. Эта гипотеза свободна, кромѣ того, отъ тѣхъ смѣшныхъ противорѣчій, къ которымъ въ большинствѣ случаевъ приводятъ другія философскія системы, трактующія онтологическую проблему, и удовлетворительно объясняетъ тѣ вопросы о душевной жизни и ея происхожденіи, на которые до сихъ поръ не давалось никакого отвѣта, или давались такіе, которые могли быть только предметомъ вѣры, но никакъ не философіи.

Есть много шансовъ, поэтому, предполагать, что въ этомъ мѣстѣ мы близко подошли къ истинѣ и, быть можетъ, даже гораздо ближе къ ней, чѣмъ это думаютъ близорукіе сторонники дискредитированнаго наукой матеріализма, или наивные послѣдователи ребяческаго дуализма съ ихъ понятіями о душѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ тѣла.

И при всемъ томъ одушевленіе матеріи кажется намъ немыслимымъ и невозможнымъ. Мы отказываемся понять, какъ это камень или кусокъ желѣза могутъ что-нибудь ощущать.

Мы не допускаемъ мысли, чтобы ударамъ грома или паденію съ неба дождя сопутствовали какіе либо психическіе процессы. Отчего же происходитъ это непонятное предубѣжденіе противъ требованій разума и логики?

Намъ кажется, единственно лишь отъ не достатка аналитическихъ способностей и отъ слишкомъ сильнаго, какъ это мы указывали выше, господства предвзятыхъ мнѣній. Мы согласны еще допустить, говорили мы, что растенія быть можетъ и являются носителями какой-нибудь самой несложной внутренней жизни, согласны это допустить, убѣжденные тѣмъ фактомъ, что, въ сущности говоря, въ растительномъ царствѣ встрѣчается большинство тѣхъ же самыхъ явленій, что и въ животномъ. Если мы допускаемъ, что парал-

лельно этимъ явленіямъ у животныхъ протекаютъ извѣстные психическіе процессы, то, конечно, мы должны сдѣлать то же самое допущеніе и относительно растеній. Но, вѣдь, міръ неорганизованной матеріи это уже нѣчто совсѣмъ другое. Гдѣ въ немъ тѣ явленія, которыя заставляли бы предполагать наличность духовной жизни? Неорганическія тѣла не размножаются, они инертны и неподвижны и повинуются лишь слѣпымъ законамъ. Недаромъ камень сдѣлался символомъ бездушія и отсутствія жизни.

Вотъ въ чемъ заключается центръ тяжести нашихъ сомнѣній. Если намъ удастся ихъ разрѣшить, если намъ удастся подмѣтить въ мірѣ неорганической матеріи такія физическія явленія, параллельно которымъ мы вправѣ предполагать психическіе процессы, — ледъ будетъ разрушенъ и универсальный параллелизмъ сдѣлается для насъ теоріей, если не безспорной, то весьма правдоподобной. Посмотримъ же теперь, дѣйствительно ли въ неорганической матеріи нѣтъ никакихъ явленій, которыя позволяли бы считать ее носительницей духовной жизни. Намъ кажется, что, наблюдая внѣшній міръ, мы не только не встрѣчаемъ противорѣчія такому предположенію, но, наоборотъ, самое категорическое подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, вся неорганическая матерія подвержена постоянному

кругообороту: воздухъ, вода, частицы земли, все это взаимно обмѣнивается своими составными веществами, причемъ обмѣнъ этотъ сопровождается извѣстными физическими процессами, обусловленными строго опредѣленными законами. Что заставляетъ эти частицы, съ нашей точки зрѣнія бездушныя, совершать строго опредѣленныя закономѣрныя движенія? Какая сила руководитъ ими? И гдѣ ея мѣстопребываніе? Физическіе законы? Но что же такое физическіе законы? Вѣдь это не писанный сводъ правилъ, съ которымъ справляются постоянно элементы матеріи, раньше, чѣмъ принять участіе въ томъ или другомъ процессѣ. Физическій законъ есть констатированіе повторяемости при всякихъ случаяхъ однихъ и тѣхъ же явленій, но фактъ слѣдованія этому закону можетъ быть объясненъ лишь силой, вложенной въ матеріальный атомъ. Что заставляетъ снѣжинки принимать такую прекрасную и правильную форму? Что вталкиваетъ атомы поваренной или бертолетовой соли въ кристаллы, придавая имъ правильную геометрическую форму? Сила. Что заставляетъ воду въ извѣстный моментъ превращаться въ паръ и разлагаться на составные элементы? Сила. Но что же такое сила? Есть ли это нѣчто матеріальное? Разумѣется, нѣтъ. Ну такъ значитъ духовное? Ибо, что же тогда сила, если она не принад-

лежитъ ни психическому, ни матеріальному міру? Или, можетъ быть, мы допустимъ, что сила—элементарный духъ, но все таки составляющій нѣчто совершенно отдѣльное, совершенно самостоятельное отъ матеріи, на которую онъ дѣйствуетъ, допустимъ это, руководствуясь тѣмъ что сила проявляетъ себя не постоянно, а только при нѣкоторыхъ условіяхъ? Но развѣ человѣческій духъ проявляетъ себя постоянно? И почему же предполагать, что сила это что-то вложенное въ матерію откуда-то извнѣ и на опредѣленное время? Вѣдь къ этому же нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Сила, это—невѣсомое, неосязаемое и невидимое начало, и представляетъ, повидимому, элементарную духовную сущность, носительницей которой является матерія. Ибо, если бы это было не такъ и если бы сила и духовное начало были бы сущностями разнаго порядка, то пришлось бы допустить существованіе трехъ аттрибутовъ дѣйствительности: силы, матеріи и духа. Относить силу и духъ къ двумъ различнымъ категоріямъ, однако, было бы нелогично, такъ какъ признаки, основные признаки, у нихъ одни и тѣ же, и, если сила, проявляющаяся въ физическихъ явленіяхъ, отличается отъ духовныхъ процессовъ, то только своею меньшею сложностью, отсутствіемъ многообразія. Отношеніе силы къ душѣ, такое же, какъ атома къ организму.

Всѣ тѣла притягиваются другъ къ другу, вся матерія, начиная съ ничтожной пылинки и кончая громадными солнечными системами, одушевлена этой всеобщей силой взаимнаго притяженія и отталкиванія. Она, эта дивная сила, заложенная въ каждомъ атомѣ, приводитъ всю вселенную въ безконечное и непрестанное движеніе, результатомъ котораго является тотъ, удивительный по разнообразію своихъ формъ, внѣшній міръ, который мы наблюдаемъ.

Всѣ остальные процессы, которые протекаютъ въ природѣ, будетъ ли то химическое разложеніе тѣлъ на его первоначальные элементы или колебаніе эфира, производящее на нашъ мозгъ впечатлѣніе свѣта, или движеніе кометы по небесному своду—все сводится къ этому элементарному стремленію частицъ притягиваться или отталкиваться. Почему же мы не хотимъ признать, что этому притяженію и отталкиванію, этимъ элементарнымъ импульсамъ атомической воли, не соотвѣтствуетъ какихъ-нибудь психическихъ процессовъ, ощущенія удовольствія или неудовольствія, удовлетворенія или неудовлетворенія, или чего-нибудь въ этомъ родѣ? Безпристрастно оцѣнивая все вышесказанное, мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что *сила тяготѣнія и есть та элементарная душа, которая соотвѣтствуетъ каждому*

атому матеріи. Подобно тому, какъ всѣ атомы матеріи абсолютно тождественны, такъ и ихъ элементарныя души, молекулярныя силы притяженія и отталкиванія, такъ же абсолютно идентичны. Здѣсь еще разъ мы находимъ подтвержденіе того, что не матеріалъ, изъ котораго построены тѣло и душа, является причиной ихъ безконечнаго многообразія, но лишь форма комбинацій и сочетаній элементарныхъ атомовъ, совершенно подобныхъ другъ другу. Ихъ внѣшняя сторона, обращенная къ нашимъ чувствамъ, отражается въ нашемъ сознаніи, какъ матерія, а внутренняя, недоступная нашему сознанію, но о существованіи которой мы заключаемъ по аналогіи съ самими нами, представляетъ изъ себя то, что мы называемъ силой, и что, въ сущности говоря, является элементарнымъ психическимъ процессомъ. Но каковъ въ дѣйствительности этотъ атомъ, съ двумя аттрибутами котораго—матеріей и духомъ, къ тому же измѣненными въ нашемъ сознаніи, ограниченномъ рамками времени и пространства, знакомитъ насъ дѣйствительность, — тотъ атомъ, который совершенно неадэкватенъ нашему о немъ представленію,—мы этого не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ.

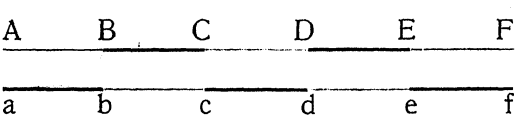
Здѣсь мы видимъ сочетаніе идеализма, приведшаго насъ къ параллелизму, съ монистическимъ міровоззрѣніемъ Спинозы: физиче-

ское и духовное суть двѣ стороны одного и того же, недоступнаго для нашего сознанія процесса, въ которомъ онѣ совпадаютъ и о дѣйствительной сущности котораго онѣ не могутъ дать намъ никакого понятія. И эта зависимость *универсальна*, то-есть она проходитъ черезъ всю дѣйствительность.

Въ вѣроятности универсальнаго параллелизма насъ убѣждаетъ также и разсмотрѣніе процессовъ нашего сознанія. Отрицая универсальный параллелизмъ физическаго и психическаго, мы должны будемъ вернуться къ отвергнутой нами гипотезѣ, что духовное можетъ превращаться въ физическое, и обратно, физическое быть причиною духовнаго. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если я слышу громъ, то это потому, что колебанія среды привели въ движеніе барабанную перепонку и, такимъ образомъ, воздѣйствовали на соотвѣтствующіе нервы и мозговые центры. Что бы мы ни говорили здѣсь о параллельности физическихъ процессовъ въ нервахъ и въ клѣточкахъ мозга и соотвѣтствующихъ имъ процессовъ сознанія, мы во всякомъ случаѣ должны будемъ признать, что настоящая причина возникновенія въ нашемъ сознаніи звуковыхъ воспріятій есть колебательное движеніе упругой среды. Если бы не было колебаній воздуха, этого чисто физическаго процесса, то не послѣдовало бы и ощущенія звука, т. е. не по-

слѣдовало бы психическаго процесса. Слѣдовательно, здѣсь мы какъ будто имѣемъ дѣло съ невозможнымъ фактомъ. превращенія физическихъ процессовъ въ психическіе, такъ какъ мы уже доказали выше, что, именно, въ такомъ смыслѣ надо понимать причину и слѣдствіе въ мірѣ матеріи. Совершенно въ другомъ видѣ представляется дѣло, если взглянуть на него съ точки зрѣнія универсальнаго параллелизма: физическій процессъ—колебаніе воздуха является причиною физическихъ измѣненій въ нервахъ и мозговыхъ клѣткахъ. Психическіе же процессы, протекающіе параллельно этимъ измѣненіямъ суть слѣдствія какого-то неизвѣстнаго намъ психическаго процесса, сопровождающаго колебанія воздуха. Какъ и всегда, такимъ образомъ, психическое вызываетъ только психическое и физическое только физическое, и каждая изъ этихъ группъ образуетъ замкнутую въ себѣ причинную цѣпь. Понятно, что, когда мы наблюдаемъ послѣдовательную цѣпь психическихъ и физическихъ процессовъ, представляющихъ изъ себя какъ бы двѣ параллельныя линіи, причемъ нашему сознанію бываетъ доступна то внутренняя психическая сторона процесса, изображенная у насъ верхней линіей, то внѣшняя, физическая, изображенная нижней линіей, то мы по привычкѣ видимую часть процесса вставляемъ на мѣсто пробѣла и составляемъ

такимъ образомъ цѣпь abBCcdDEef, которая, однако, вовсе не отвѣчаетъ дѣйствительности. Мы считаемъ, что процессъ *BC* вызывается



процессомъ *ab*, но, на самомъ дѣлѣ, это невѣрно: процессъ *BC* вызывается недоступнымъ нашему сознанію процессомъ AB, а процессъ *ab* въ свою очередь вызываетъ вовсе не процессъ BC, а *bc*. Мы же совмѣщаемъ видимыя нами части въ одну линію и получаемъ, такимъ образомъ, кажущуюся зависимость психическихъ и физическихъ процессовъ.

Универсальный параллелизмъ освобождаетъ нашъ разумъ отъ этого хаотическаго смѣшенія причинъ и слѣдствій различныхъ порядковъ. Онъ помогаетъ намъ составить стройное представленіе о вселенной, въ которой отнынѣ психическое является не случайностью, а такой же всеобщей и подлинной стороной дѣйствительности, какъ и матерія. *Жизнь* и *смерть* не являются больше для насъ несовмѣстимыми противоположностями, но лишь условными понятіями, указывающими на переходъ матеріи и другого аттрибута дѣйствительности: духа изъ болѣе сложныхъ комбинацій въ болѣе элементарныя, отъ психиче-

ской дѣятельности живого существа къ атомическому духовному процессу. Отнынѣ мы видимъ въ мірѣ уже не конгломератъ бездушныхъ мертвыхъ атомовъ матеріи, а стройную систему элементовъ, носителей внутренней духовной жизни.

6 апрѣля 1905 г.
Цетербургъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.